ДВѢНАДЦАТЬ СМЕРТНИКОВЪ

СУДЪ НАДЪ СОЦІАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ ВЪ МОСКВѢ

ИЗДАНІЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦІИ П. С. Р.
БЕРЛИНЪ.
1922 г.

СУД
НАД СОЦИАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В МОСКВЕ.

СОДЕРЖАНИЕ

{7}

ВВЕДЕНИЕ

Московский суд и большевизм.

Между партией русских социалистов-революционеров и партией социал-демократов существует сильное расхождение, больше того, противоречия в основах мировоззрения и тактики. Несмотря на это, я охотно принял приглашение написать в качестве введения к изложению Московского процесса, издаваемому российской П. С. Р., несколько слов для характеристики этого процесса. Больше того, я чувствую, что не только имею право, но даже обязан написать это введение, и именно в силу исповедуемых мною социал-демократических принципов. Ибо принципы эти гласят, что пролетариат, наиболее униженный и порабощенный из всех классов, не может освободиться, не освобождая при этом всех порабощенных. Пролетарская социалистическая партия не может выполнить своей великой исторической задачи, не сделавшись защитницей всех порабощенных и угнетенных. Поэтому Маркс и Энгельс вступились за угнетенную Польшу и встали на защиту Ирландии; поэтому, в области колониальной политики, социал-демократы всегда стремились к освобождению туземного населения колоний. При этом они часто поддерживали и не социалистические, буржуазные элементы.

Тем более обязаны мы заступиться за преследуемых и гонимых, когда они принадлежат к партии, которая так же, как и мы, хотя не всегда теми же путями, стремится к освобождению трудящихся и издавна вела самую решительную беззаветную борьбу с **{8}** заклятым врагом мирового прогресса, с русским деспотизмом. Борьба, которую ныне ведут социалисты-революционеры, есть только продолжение этой старой борьбы, ведь нет существенной разницы в том, является ли самодержавная власть наследственной или созданной вновь, властвует ли «законный» царь или клика случайно выдвинувшихся людей, родился ли тиран во дворце или он использовал, для того чтобы подняться в Кремль, рабочую и крестьянскую революцию.

И именно то обстоятельство, что новый русский деспотизм не царистский, а бонапартистский, делает особенно необходимым, чтобы социалистические партии мира вступились за преследуемых им русских социалистов. Ибо этот бонапартизм хочет сделать социалистов всего мира сообщниками его политики преследований, чего, по вполне понятным причинам, царизм никогда не пытался делать. Большевистские властители хотели бы, чтобы социалисты всего мира рукоплескали предпринимаемым ими гонениям на социалистов-революционеров и меньшевиков. Но прошли те времена, когда они могли рассчитывать на то, что их заявления будут приняты без всякой критики.

Они стараются представить свою политику, как единственно-правильное применение марксизма, как строгое проведение принципов классовой борьбы. Но с этими принципами совершенно не совместимы грубые преследования и гонения, которым социалисты определенного направления подвергают рабочих, за то лишь, что эти рабочие признают социализм в ином толковании, чем они.

Мы, социал-демократы марксисты, в согласии со всеми почти остальными социалистами, требуем демократии и этим самым

возможности свободной пропаганды для всех политических партий. Эту возможность ничем нестесненной пропаганды мы должны прежде всего потребовать для всех социалистических партий России.

Совершенно неизбежно, что различные социалистические партии часто сильно борются друг с другом, но борьба эта должна быть только борьбой аргументов, борьбой за душу пролетариата. Социалисты, которые борются при помощи штыка, пулемета, Че-ки и тюрьмы против социалистических воззрений, расходящихся с **{9}** их взглядами, чинят этим огромное насилие над пролетариатом и над идеей классовой борьбы. Это чувствуют даже сами большевики. Поэтому они стараются оправдать свой режим насилия в глазах социалистов всего мира, утверждая, подобно волку в известной басне, что ягнята кощунственно мутят воду, которую они, большевики, хотят сохранить в чистоте. Убедить в этом мир — было главной целью московского процесса. Этим путем большевики желали уничтожить не только физически, но и морально наиболее выдающихся социалистов-революционеров. Но процесс дал обратные результаты. Он привел к моральной победе обвиняемых, к моральной казни обвинителей.

Большевизм первый применил насилие по отношению к другим социалистам. Он разогнал Учредительное Собрание не для отпора насильственным актам меньшевиков и эсэров, но потому, что признал свое бессилие привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства при помощи пропаганды, наравне с другими социалистами. Отсюда переворот, направленный против большинства представителей революционных рабочих и крестьян; отсюда лишение прав всех социалистов, не склонившихся перед коммунистическим кнутом; отсюда создание политического положения, при котором оппозиции остается только одна форма открытого политического выступления — гражданская война.

Социал-демократия никогда не отрицала применения силы для преодоления насильственного угнетения, она только ставила это применение в зависимость от соображений целесообразности, от возможности рассчитывать на успех. Если она в этом отношении расходилась иногда с с. - р., то это было не по принципиальным, а лишь по тактическим соображениям. Но, если я хорошо осведомлен, то по этому пункту в настоящей момент нет существенных разногласий между меньшевиками и эсэрами: и теми и другими признано, что антибольшевистское восстание в настоящий момент не может быть успешным и даже, при некоторых обстоятельствах, может привести к ложному шагу обращения к иностранной или реакционной помощи. Вооруженное восстание против большевиков привело бы **{10}** в данный момент только к замедлению процесса, совершающегося в России и чреватого большими последствиями, — отхода пролетарских и крестьянских масс от большевизма и устремления их к другим социалистическим течениям. В этом процессе заключается смертельная опасность для большевистской диктатуры. Истинное преступление, в котором эсэры действительно повинны перед большевиками в настоящее время, состоит не в подготовке террористических актов и вооруженных восстаний, но в том, что эсэры, ряды которых быстро растут, так же как и меньшевики, а может быть в еще большей степени, приобретают доверие рабочих масс России, так что в скором времени за большевиками не будет стоять никого, кроме нескольких капиталистов и Красной Армии, да и

эти, пожалуй, останутся с ними недолго. Ибо военная диктатура требует военных успехов во вне, а не только подавления бунтов изголодавшихся крестьян.

Напрасно стараются большевики побороть поднимающуюся против них волну. Единственное, чем они владеют в совершенстве, — это искусство уничтожения противника при помощи насилия и лжи. Зато они обнаружили полное непонимание условий, при которых возможно социалистическое производство, и такое же полное отсутствие проницательности в определении условий, необходимых для развития капиталистического производства. В своем стремлении к осуществлению социализма они разрушили весь производительный аппарат России, и их попытка починить его теперь при помощи капитализма грозит еще большим его разрушением. Но если бы даже им удалось создать в России новый капитализм и с его помощью вновь пустить в ход производство, то это произошло бы при наличии пролетариата, которого сами большевики сделали совершенно неспособным к борьбе.

В том и другом случае, нищета и горе будут еще годы царствовать в русском государстве и будут порождать, с одной стороны, апатию отчаяния, с другой — вызванные отчаянием восстания масс. Московский процесс должен был отвлечь народное возмущение от большевиков и направить народный гнев против социалистов-революционеров. Напрасные старания: стрела, падая, поражает стрелка.

{11} Большевики надеялись повести процесс так, чтобы представить обвиняемых с. - р. и всю их партию, как сообщников контрреволюции и иностранных держав.

Для достижения этой цели они не остановились перед самым беззастенчивым применением всех грязных методов старого полицейского режима и крайним бесстыдством превзошли этот режим, опытным прокурорам которого достаточно было, как известно, двух строчек, писанных рукой подсудимого, чтобы отправить его на виселицу. И, несмотря на это, обвинители разоблачили в течение процесса лишь одно: собственную низость.

Когда в мае 1849 года Марксовская «Новая Рейнская Газета» была запрещена контрреволюцией, то Фрейлиграт заклеймил это жалкое насилие пламенными словами. От имени запрещенного органа он сказал:

«Это — не открытый удар в открытой борьбе;
«Против меня — коварство и низость;
«Против меня — пресмыкающаяся подлость.
«Грязной мировой азиатчины».

Обвиняемые в московском процессе также сражены не открытым ударом в открытой борьбе, но тайной низостью грязных поборников татарского или калмыцкого социализма.

Но как невинна была «пресмыкающаяся подлость», которую бичевал Фрейлиграт, по сравнению с низостью, выявившейся в московском процессе!

Бесстыдная лживость, гнусная трусость и дьявольская жестокость обвинителей, судей и сыщиков, проявившиеся в этом деле, почти беспримерны в мировой истории и должны быть отмечены, как одна из ее позорнейших темных страниц.

Как героически возвышаются фигуры подсудимых, мужчин и

женщин, и какое отвратительное и жалкое моральное разложение являет свора, жадно требующая их крови, их оскорбляющая и преследующая их жестоко, чтобы насладиться их муками!

Моральная высота подсудимых и низость их противников выступили на процессе с такой очевидностью и убедительностью, что они произвели глубочайшее впечатление на всех, за исключением своры кровожадных **{12}** псов, которых московские палачи наняли для защиты их дела в европейской печати, и которые настолько бесстыдны, что пошли на это.

Обвиняемые с. - р. спасли честь социализма, которую большевизм попрал ногами. Имена Гоца, Тимофеева и их товарищей запечатлеются в сердцах рабочих всего мира, без различия партий.

Не всегда большевики стояли на том низком уровне, до которого они упали теперь. Многих из них мы знали, как честных борцов и идеалистов.

Но переворот 1917 года поставил их в ложное положение, которое должно было их все более и более развращать.

С самого начала они построили свою власть на лжи и насилии над пролетариатом, на принципе, будто для достижения и удерживания власти хороши все средства.

Этот принцип всегда ведет к разложении партии, которая применяет его. Он развращает одних ее членов и парализует других, которые не борются с развращенными элементами.

Партии, преследующей великую цель, позволены лишь те средства, которые этой цели требуются. Партия, желающая освободить пролетариат, не может употреблять для завоевания и удержания своей власти такие средства, которые дезорганизуют и деморализуют пролетариат. Но только такими средствами могли утвердиться большевики, и поэтому они предпочли гибель русского и ослабление мирового пролетариата соглашению с другими социалистическими партиями России в целях создания революционного режима, опирающегося на народные массы и предоставляющего этим массам полнейшую свободу развиваться духовно и создавать свое экономическое благосостояние.

Прибегая для утверждения своей власти к средствам, ослабляющим и разлагающим пролетариат, большевики показали, что они не заботятся о поднятии и освобождении пролетариата, но что они представляют собой клику, знающую одну лишь цель: укрепление собственной власти.

{13} Это свойство большевизма роднит его с наследием французской революции, бонапартизмом. Как и этот последний, большевизм основывается на лжи и насилии. Но как первая, так и вторая империя открыли Франции эру экономического процветания и могли поэтому опираться на признание широких народных кругов, — не только на капиталистов, но и на крестьян. Большевизм, напротив того, разорил Россию и восстановил поэтому против себя весь народ. Поэтому его ложь и насилие должны значительно превосходить ложь и насилие французского бонапартизма. Но по этой же причине, несмотря на свою лживость, жестокость и подлость, большевизм не сможет держаться так долго, как режим Бонапарта во Франции.

Московский процесс был отчаянной попыткой большевиков опорочить в глазах русского пролетариата и вместе с тем всего мира их

самых опасных в настоящее время противников, представив их, как пособников контрреволюции, и вернуть коммунизму утерянные им симпатии пролетариата.

Этот процесс проигран большевизмом. Не подсудимые, а обвинители, судьи и их наемники вышли из этого процесса осужденными в глазах России и за пределами ее, заклейменными, преданными глубочайшему презрению. Процесс этот показал тем, кто до сих пор это недостаточно ясно видел, всю гнилость и разложение большевистского режима.

Но московский процесс есть лишь один из сопутствующих моментов той великой всемирно исторической тяжбы, которую ведет большевизм. И из этого процесса он выйдет осужденными. Режим, подобный большевистскому, созрел для гибели. Пока еще нельзя сказать, когда и каким образом он падет, но одно можно утверждать с полной уверенностью и сейчас:

Большевизм падет со стыдом и позором, оплакиваемый, быть может, спекулянтами капиталистического мира, но сопровождаемый проклятиями всего борющегося за свое освобождение пролетариата. На этот конец большевистской диктатуры явно указывает нам московский процесс, и в этом его историческое значение.

К. Каутский.

{17}

СУД

над социалистами-революционерами в Москве.

Этот суд, потрясший совесть всего культурного мира, сплотивший в порывах негодования все течения социалистической и демократической мысли, все фракции рабочего движения, этот беспримерный суд завершился чудовищным приговором.

Двенадцать человек, отдавших всю свою молодость, всю жизнь, все силы, все помыслы делу освобождения рабочих и крестьян родной страны, делу российской революции и международного социализма, приговорены к смертной казни судом, претендующим на роль защитника интересов рабоче-крестьянской революции и социализма.

Намыленная веревка наброшена на их шею, но те, в чьих руках их жизнь, еще не затянули петли, еще ждут...

Ждут чего? Того ли, что осужденные, под влиянием психической пытки, которой подвергаются они и их близкие, падут перед ними на колени?

Того ли, что партия осужденных, ради спасения дорогих жизней, откажется от борьбы с советской властью?

Нет! На это большевики не рассчитывают. Они просто сохраняют за собой *выбор момента* для совершения казни.

Идет борьба за жизнь *двенадцати смертников*.

Цель настоящей брошюры — хоть в малой мере способствовать тому, чтобы в результате этой борьбы восторжествовала *правда*.

На следующих страницах читатель найдет краткие сведения об осужденных, о подготовке и ходе процесса, о приговоре и об отклике, который он получил в Европе. Стремясь дать возможно точное изображение относящихся к московскому процессу событий, автор пользовался отчетами большевистских газет, советскими радио сообщениями **{18}** иностранных защитников, участвовавших в первых заседаниях суда, свидетельствами очевидцев, официальными документами. Автор должен признать, что исчерпывающе полной картины эти источники не дают. Некоторые, особенно неприятные для советской власти, моменты остаются в тени. Но и того, что, вопреки усилиям большевиков, пробилось наружу, достаточно для суждения о московском процессе ...

Автор — социал-демократ, член партии, тактика которой существенно расходится с тактикой партии социалистов-революционеров. И не соображения партийной политики определяют его отношение к московскому процессу, а то представление о *праве*, т. е. *идеалы*, которые должны быть общими у *всех* социалистов всего мира.

1. Осужденные.

Кто они, эти двенадцать, приговоренные московским трибуналом к смертной казни за контрреволюционную деятельность?
Вот их имена — дорогие для всей революционной России:

1. Абрам Гоц — с 1900 г. участник революционного движения, с 1904 г. — один из активнейших членов грозной для царизма боевой организации партии социалистов-революционеров (При непосредственном участии Гоца организовывались покушения: на министра внутренних дел Дурново, на усмирителей московского восстания 1905 г. генерала Мина и полковника Римана, на министра юстиции Акимова, на московского градоначальника Шувалова, на главу политического сыска при царизме вице-директора департамента полиции Рачковского.).

В прошлом за ним Петропавловская крепость, ожидание смертной казни, военный суд, 8 лет каторги, ссылка в Сибирь, где и застала его революция 1917 года.

2. Евгений Тимофеев — участник революционного движения с 1900 года. В 1905 году приговорен царским судом к 5 годам каторги. Перед окончанием срока заключения осужден вторично, еще на 10 лет. Из каторжного централа освобожден революцией.
{19}

3. Гендельман — вступил в революционную работу в 1899 г. В 1901 г. за участие в студенческих беспорядках сдан в солдаты. Провел в тюрьмах самодержавия около трех лет.

4. Донской — вступил в революционную работу в 1897 г. За студенческие беспорядки был сдан в солдаты. Три раза подвергался ссылке. Просидел шесть лет в царских тюрьмах.
(ldn-knigi; Дмитрий Дмитриевич Д. — врач, будучи в ссылке, в постоянном ожидании ареста, в 1939 году покончил с собой.)

5. Евгения Ратнер — в партии социалистов-революционеров с 1903 года. При царизме 8 раз была арестована, просидела в тюрьме свыше шести лет.

6. Герштейн — самоучка-рабочий, революционер с 1898 года. В прошлом — $4^1/_2$ года тюрьмы и 5 лет ссылки.

7. Николай Иванов — революционер с 1906 г. Участник боевой террористической организации социалистов-революционеров. (Участвовал в подготовке и в исполнении террористического акта против начальника Главного Тюремного Управления Максимовского, которого партия социалистов-революционеров приговорила к казни за жестокое обращение с политическими заключенными. Участвовал также в подготовке взрыва Государственного Совета в 1907 году.). 10 лет провел на каторге. Был арестован Колчаком, спасся от расстрела лишь благодаря побегу из тюрьмы.

8. Лихач — в партии с. - р. с 1903 года. В прошлом 2 г. тюрьмы и 6 лет ссылки.

9. Сергей Морозов — в партии с. - р. с 1905 года. Дважды был присужден к каторге, 7 лет провел в каторжных централах.

10. Николай Артемьев — в революционном движении с 1903 года. Отбыл 4 года ссылки, частью в Туруханском крае, частью за полярным кругом.

11. Елена Иванова — в партии с. - р. с 1905 года, участница боевой организации. (При ее содействии был убит начальник тюрьмы Гудима и пристав Охтенской части Родзиевский, устроивший пытки рабочих в каземате своей части. Она же организовала убийство начальника Петербургской Одиночной Тюрьмы «Крестов» Иванова и участвовала в исполнении террористического акта над начальником Главного Тюремного Управления Максимовским.) В 1908 году приговорена царскими судьями к смертной казни, которая была заменена бессрочной каторгой. Освобождена с каторги революцией.
{20}

12. Владимир Агапов — самый молодой из осужденных, в партии социалистов-революционеров с 1909 года, но уже подвергнулся ссылке при царизме.

Итак, за спиною двенадцати смертников, в общей сложности, около 240 лет революционной работы и борьбы за освобождение России. В общей сложности, при царизме они провели за железной решеткой 70 лет. Пятеро из них носили каторжанские цепи. Двое стояли под виселицей (Гоц и Елена Иванова). Двое отбывали каторгу дважды (Тимофеев и Морозов).

И этих людей большевистская власть пытается представить, как опасных контрреволюционеров, как злейших врагов трудового народа! И готовясь убить их, кремлевские самодержцы пытаются уверить весь мир, что крови этих людей требует спасение революции!

Но приведенные мною бесстрастные цифры — столько то лет революционной работы, столько то лет тюрьмы, столько то лет каторги — холодные цифры не передадут читателю духовный облик двенадцати смертников.

Все они вступили в политическую борьбу в тот период русской революции, когда она не знала ни живущих в царских палатах комиссаров, ни шумихи газетной рекламы, ни блестящих карьер, создающихся лестью, угодливостью, жестокостью, неразборчивостью в средствах, когда звание революционера не вело ни к почету ни к власти, ни к материальным благам, когда долей революционера были лишения, унижения, опасности. И они прошли свой путь, ни разу не изменив себе.

Представители социалистического Интернационала, встретившие этих людей в большевистской тюрьме, сразу почувствовали огонь, горящий в душах этих двенадцати и их товарищей.

Вот, что писал Э. Вандервельде об обвиняемых московского процесса:

> «Почти каждый день мы посещаем тюрьму, старое здание темно кровавого цвета, где содержатся социалисты-революционеры.

«Это вообще одно из редких мест, где разговаривают — и, быть может, единственное, где я видел людей, которые говорят свободно, весело, не понижая голоса, не интересуясь тем, подсматривает ли за ними «око Москвы», подслушивает ли их ухо **{21}** Чичерина. Им угрожает смерть. Перед ними перспектива длинного тюремного заключения, а они смеются, они веселы, как бывают веселы люди, которые идут на борьбу за дорогое им дело.

«Нельзя, конечно, рассказать вам обо всех обвиняемых.

«На фоне общего героизма, как на золоте старинных картин, выделяется несколько особенно ярких фигур.

«Евгения Ратнер — одна из двух женщин этого большого процесса. Как жаль молодости, проведенной в стенах тюрьмы — сначала при царизме, потом при Ленине. Но вместе с тем, какое чудо видеть в таких условиях это упорство, соединенное с жизнерадостной грацией, с этой любовью к жизни, которая сверкает в черных глазах, и глубокой верой в будущее дела, которому отдана жизнь.

«Тимофеев — перед войной был на Сибирской каторге. Там он пользовался таким влиянием среди заключенных и администрации, что все называли его „начальником тюрьмы».

«Это ему на предстоящем суде поручены объяснения по вопросам внешней политики. Нам, его защитникам, предстоит забота его защищать, его спасать, так как сам он думает только об одном — о нападении, о том, чтобы использовать процесс над ним и его товарищами, чтобы превратить его в процесс против их врагов.

«Если Тимофеев является в группе обвиняемых министром иностранных дел, то Гоц является руководителем общей политики. Я встречал его в Петербурге в 1917 году. Он был товарищем председателя рабочего парламента, всероссийского съезда советов ...

«Это именно Гоц в наших тюремных совещаниях всегда выступает от имени всех своих товарищей. Он родился в зажиточной семье и его жизнь могла быть легка: кроме нескольких месяцев в 1917 году, он провел свою жизнь в изгнании или в тюрьме ...» («Брюссельский Пепль»).

{22} Как о героях, говорили и писали об обвиняемых и другие их защитники.

«Таких людей нет у нас!» с глубоким волнением говорил о них Курт Розенфельд.

К этим отзывам мы хотели бы прибавить здесь лишь несколько слов.

С некоторыми из осужденных автору этих строк пришлось близко встречаться в революционной борьбе, с другими он познакомился в Сибири в Александровском каторжном централе.

Там, среди заключенных, были люди различных партий: меньшевики, эсэры, большевики, анархисты. И не было среди нас ни одного человека, который не относился бы с глубоким уважением и с теплой симпатией к Гоцу и Тимофееву. Оба они были «представителями» политических каторжан во всех сношениях с администрацией, оба считались среди товарищей хранителями лучших революционных

традиций, — бесстрашия перед врагом, стойкости при испытаниях, верности общему делу. Не могут не помнить Гоца и Тимофеева и большевики, сидевшие вместе с нами в тюрьме. Почему же эти бывшие товарищи нынешних смертников не возвысили своего голоса в дни процесса? Почему не крикнули они своим единомышленникам, опьяненным властью и кровью:

— Остановитесь!

Казалось, хоть в ком-нибудь из большевиков должна заговорить совесть. Казалось, должны выступить из рядов правящей партии хоть те, чью жизнь спас тот же Гоц, когда, рискуя собственной головой, он защищал большевиков от разъяренной толпы в дни июльского большевистского выступления 1917 года.

Но нет! Никто из большевиков не нарушил партийной «дисциплины». Не заставил задуматься коммунистическую партию и голос Горького, писавшего одному из членов московского правительства:

> «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманным намерением, гнусное убожество. Я прошу вас сообщить Л. Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит вас, ибо за все время революции я тысячекратно **{23}** указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране.
>
> «Ныне я убежден, что если эсэры будут убиты, — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России».

Кровавая расправа с политическими противниками слишком привычное дело для большевистской власти, чтоб она могла остановиться перед тем, что Горький заранее заклеймил, как «убийство с заранее обдуманным намерением».

Ведь это началось не со вчерашнего дня! Ведь вот уже пять лет льется в России кровь крестьян и рабочих, и — ничего! Все сходило с рук московским самодержцам, и, несмотря ни на что, достаточно оставалось в Европе людей, готовых видеть в них носителей рабоче-крестьянской власти, знаменосцев торжествующей революции. Что же могло помещать большевикам сделать еще один опыт?

Московский процесс — последнее звено в длинной цепи преследования социалистов в советской России. Несколько слов о характере этих преследований облегчать нам понимание того, что представлял собой Верховный Трибунал, судивший социалистов-революционеров.

2. Преследования социалистов в России.

Чуть ли не с первого дня после захвата власти большевиками, начались в России преследования социалистов. Беспорядочные, случайные вначале, эти преследования вылились впоследствии в целую систему мероприятий, вызвали к жизни специальные государственные органы, стали одной из главных забот правительственной власти, одной из главных функций комъячеек.

Это вытекает из самой природы большевизма.

Основная идея большевизма — это диктатура меньшинства над большинством, партии — над рабочим классом и всем народом. Эта идея предопределила жизненный путь большевистской партии: начав с обоснования необходимости своей диктатуры интересами *революционного освобождения* всех трудящихся, **{24}** партия пришла к тому, к чему приходит, в конце концов, всякая диктатура, — к *деспотизму*, к беспощадному подавлению всех проявлений самодеятельности и активности в народе, к отказу от всех принципов во имя голого сохранения власти.

Так правительство, пришедшее к власти в ходе революции и сохранившее внешние атрибуты революционности, на деле воскресило все деспотические приемы управления царизма, уничтожило все завоевания революции.

Для большевистского правительства нет большей опасности, как пробуждение классовой сознательности и активности в широких массах крестьян и рабочих. Ибо народные массы, сознавшие свои интересы и свою силу, неизбежно пожелают взять власть над страной в свои руки и сбросят со своей шеи своих самодержавных повелителей, — каким бы флагом они ни прикрывались.

Здесь источник ненависти большевиков против социалистических партий, которые являются в России не только защитницами *народовластия, демократизма*, но и носительницами начал *активности, самодеятельности* трудящихся, крестьян и рабочих.

Меньшевики ненавистны московскому правительству, как партия классовой борьбы *пролетариата*; социалисты-революционеры, как партия, оспаривающая у большевиков влияние на *крестьянство*.

Какой враг опаснее? По этому вопросу давно идут споры среди советских охранников.

Одни из чекистов считают, что всего опаснее меньшевики, так как эта партия может, усилившись, двинуть против большевистской диктатуры *рабочие* батальоны; другие полагают, что главная опасность грозит со стороны социалистов - революционеров, так как *крестьянская* масса, подпав под их влияние, поглотит все результаты советского строительства.

Обе тенденции находят компромиссное решение своего теоретического спора, преследуя и меньшевиков, и эсэров, и беспартийных; хватая, запирая в тюрьмы, ссылая, а порой и расстреливая всех тех, чья деятельность грозит усилением активности, пробуждением сознательности, увеличением сплоченности крестьян и рабочих.

{25} Иными словами, советская власть преследует социалистов по тем же мотивам и за те же преступления, что и царизм.

Переменились носители власти, но остался *деспотический* государственный строй, и потому по прежнему полны тюремные камеры «политическими», и по личному составу эти «политические», в большинстве, при большевиках те же, что были при царизме.

Но аресты, тюремное заключение, ссылка — являются не единственными приемами в борьбе советской власти с крамолой; главное место среди этих приемов занимает *расстрел, смертная казнь*.

Большевики утверждают, что смертной казнью они пользуются для защиты рабоче-крестьянской революционной власти от посягательств со стороны контрреволюционеров, врагов трудящихся. Этому утверждение противоречит тот факт, что в России, со времени установления над ней большевистской власти, не прекращаются

массовые расстрелы крестьян и рабочих.

Достаточно напомнить такие события, как расстрел рабочей манифестации в защиту Учредительного Собрания в Петрограде, 5 января 1918 года; астраханскую бойню, во время которой несколько тысяч рабочих было расстреляно, зарублено шашками, потоплено в Волге за то, что они требовали хлеба, — точнее, даже не хлеба, а восстановления свободы хлебной торговли; расстрел из пушек Елисаветполя (Ганджи) в Азербайджане, при чем было убито до 20.000 чел. мусульман, в огромном большинстве крестьян и рабочих; многократные расстрелы забастовщиков почти во всех крупных городах советской России; стрельба по рабочим митингам за вынесение антибольшевистских резолюций; расстрелы крестьян-заложников за неявку рекрутов или за действия повстанческих отрядов; расстрелы крестьян и уничтожение целых деревень за невзнос продовольственного налога...

Часто рабочие и крестьяне, навлекшие на себя неудовольствие советской власти, расстреливаются (или избиваются иным способом) вместе с представителями других групп населения.

Кто подсчитает, сколько пролилось крови крестьян в те кошмарные дни 1918 года, когда по всей России шли казни заложников в вид репрессии за покушение на Ленина в Петрограде?

{26} Или такой случай. В 1921 г. большевики отправили на барже 600 заключенных из различных петрорадских тюрем в Кронштадте; на глубоком месте между Петроградом и Кронштадтом баржа была пущена ко дну: все арестанты потонули, кроме одного, успевшего вплавь достичь финляндского берега. Кто сосчитает, сколько крестьян и рабочих было среди потопленных?

Или другой пример. В конце 1918 года, в разгар гражданской воины, оставляя Сарапуль и затрудняясь эвакуировать местную тюрьму, большевики решили, в видах экономии, очистить ее, путем расстрела всех заключенных; в числе других был убит при этом один из вождей петроградских и уральских рабочих член Ц. К. социалистов-революционеров рабочий Иван Тетеркин. Сколько еще рабочих погибло вместе с ним?

Наряду с массовыми расстрелами идут в советской России и *индивидуальные* казни социалистов.

Так было расстреляно в 1918 году в Астрахани 15 человек социалистов-революционеров, собравшихся на губернскую партийную конференцию (Меморандум, поданный 2-го апреля партией социалистов-революционеров берлинской конференции трех интернационалов, отмечено, что в этом числе погиб старый революционер, член партии с. - р. с ее основания Струмило Петрашкевич, старый работник этой же партии Александр Торба, член Учредительного Собрания из крестьян Горелин, известный местный партийный работник Тимофеев, Ларионов, Ливсин, Курбатов и др.).

Так, в знаменитом Саратовском «овраге», где по особым спискам и безо всяких списков расстреляно за 1918-1919 годы около 1500 человек — убит целый ряд видных членов той же партии. Так, на Кубани в 1920 г. подверглись расстрелу народные вожди в борьбе с Деникиным, крестьяне, влияние которых на население тревожило советскую власть. Так, в том же 1920 г., после взятия Баку советскими войсками, большевики перебили главарей местного рабочего движения, при чем, в числе других, здесь был расстрелян социалист-революционер **Зимин**, тот

самый Зимин, благодаря которому было раскрыто дело об убийстве добровольцами 26 большевистских комиссаров. (Позже большевики объяснили, что Зимина они убили «по ошибке»).

{27} Впрочем, есть ли в России хоть одна губерния, хоть один город, где не было за эти годы расстрелов деятелей социалистического движения?

Среди расстрелянных социалистов можно назвать имена широко известные в России.

Онипко — депутат первой Думы, герой Кронштадтского восстания 1905 года.

Алмазов — крупный культурный деятель, писатель.

Коган-Бернштейн — старый партийный работник, социалист-революционер.

Борис Флекель — казненный по обвинению в том, что был секретарем Керенского, (каковым, кстати сказать, он никогда не был).

Самуил Файнберг — один из крупнейших деятелей партии социалистов-революционеров в Сибири...

О последнем я хочу сказать здесь несколько слов. Товарищ Гоца и Тимофеева по каторжному централу и близкий их друг, Файнберг, без сомнения, был бы их товарищем и по московскому процессу и вместе с ними был бы приговорен к смертной казни, если бы большевики уже раньше не расстреляли его безо всякого суда. Они расстреляли его, как «контрреволюционера», в Иркутске, в том самом Иркутске, который был отбит у Колчаковцев эсэрами после 2-дневного боя, в том самом Иркутске, в который были свезены арестованные большевики чуть ли не со всей Сибири и где около 1000 заключенных, главным образом, большевиков, были эсэрами освобождены из Колчаковской тюрьмы!

А в прошлом, при царизме, у этого человека было ожидание смертной казни, 15 лет каторги, долгие годы заключения в самой ужасной из всех царских тюрем — в Орловском централе ...

Нужно ли приводить здесь имена расстрелянных большевиками рабочих — социал - демократов, нужно ли перечислять «преступления», за которые они были казнены?

Вот — **Туляков**— рабочий, депутат 4-й Государственной Думы, вождь рабочих Донецкого угольного района. Расстрелян по приказу чека в 1918 году.

Вот — **Краковский** — рабочий Сестрорецкого завода. Расстрелян Тамбовской чека, как контрреволюционер.

{28} Вот — меньшевик рабочий **Самушкин**. Расстрелян в Витебске в октябре 1918 г. за расклейку воззвания к рабочим арестованной большевиками местной конференции представителей фабрик и заводов.

Вот — председатель Рыбинского совета профессиональных союзов, меньшевик **Левин**; вот — секретарь того же совета **Ром**; вот — председатель больничной кассы и Рыбинского социал-демократического комитета — **Соколов** — все трое расстреляны в сентябре 1918 г. за руководство однодневной забастовкой протеста с требованием свободы союзов, прекращения террора и изменения продовольственной политики.

Вот — **Миронов** — рабочий меньшевик, депутат 2-ой Государственной Думы. Расстрелян большевиками в 1918 г. в Сибири.

Вот — **Ридник** — секретарь Нижегородского Комитета Р. С -Д. Р. П. Застрелен большевиками якобы при попытке побега...

Еще легче расстреливали большевики анархистов и левых социал - революционеров, которые в октябре 1917 года помогли им захватить власть.

Это — не перечень погибших в советской России социалистов.

Это лишь несколько строчек бесконечного синодика, — но и этих строчек достаточно, чтобы понять психологию большевиков, недоумевающих, почему это социалисты Западной Европы подняли такой шум по поводу их намерения бросить в бездонную братскую могилу еще двенадцать трупов социалистов!

Читатель, который пожелал бы поближе познакомиться с этой стороной деятельности советского правительства, найдет подробности в сборнике «Че-ка», в меморандуме, представленном партией с.-р. берлинской конференции трех интернационалов, на столбцах «Социалистического Вестника», «Революционной России» и других зарубежных социалистических изданий.

Но физическое истребление противников не удовлетворяет большевиков. Они стремятся — употребляя излюбленное их выражение — к *«моральному уничтожению»*, к *«моральному убийству»* тех, кто стоит на их пути. Это достигается *публичным клеветническим шельмованием* обвиняемых и арестованных.

{29} Каждый массовый арест социалистов, каждый их перевод из одной тюрьмы в другую, каждая ссылка, каждое избиение заключенных, каждая казнь, а в особенности каждый суд сопровождаются на столбцах газет потоками ругательств, лжи, клеветы. И никакой возможности защищаться, отвечать, ибо все газеты в Советской России редактируются агентами правящей партии, и в ее руках — абсолютная монополия на печатное слово. Рот противников советской власти зажат раз навсегда.

То-то раздолье Радекам, Стекловым, Бухариным! Лги, клевещи, обливай грязью врагов, — они связаны, они безоружны, они беззащитны, они безгласны, — как безгласна ждущая их могила.

Нигде, никогда обманщик по призванию, лгун по природе, клеветник по профессии не был вооружен так, как при советском строе.

Это — целая система. И подобное «моральное уничтожение» противников имеет в глазах большевиков слишком большое государственное значение, чтобы доверить его исключительно прессе: рука об руку с публицистами Коминтерна работают чекистские следователи, прокуроры и судьи.

Напомню большевистские правительственные сообщения о «заговорах», — пространные сообщения, в которых имена социалистов умышленно переплетались с именами реакционеров. Иные из этих сообщений доходили до европейской печати. На Западе — в тех случаях когда ложь была чересчур очевидна, — объясняли измышления чекистов, как маневр, чтобы оправдать репрессии: аресты, ссылки, казни — это *цель*; сочинение заговоров — *средство*.

Но часто связь оказывается обратная: *цель* большевистской охранки — забрызгать грязью ненавистную партию; с этой целью фабрикуется «дело»; чтобы замаскировать вздорность выдвинутых обвинений, обвиняемые приговариваются к казни; чтобы «дело» не всплыло вновь, осужденных убивают в чекистском подвале.

На судебную трибуну советская власть переносит лишь те дела, которые она признает «выгодными в агитационном смысле», то есть, пригодными для устройства публичного шельмования подсудимых.

И судьи прекрасно понимают, чего ждет, чего требует от них правительство. Было бы поэтому наивно **{30}** искать в советских судах беспристрастия, независимости, уважения к закону.

По моральному уровню, по правосознанию, советский судья или прокурор ничем не отличается от чекистского палача. И судья и обвинитель, и палач одинаково получают приказ «прикончить такого-то», и выполняют волю начальства. Разница между ними лишь та, что судья и обвинитель работают при свете дня, а палач — в темном подвале.

Все отмеченные здесь элементы были на лицо в московском процессе: двойная задача физического и морального убийства, объединение судебного процесса газетной кампанией, судьи — чекисты, прокурор с психологией палача, глумление над подсудимыми.

Народу, требующему хлеба, власть предлагает зрелище казней. Этому зрелищу придается внешняя форма судебного разбирательства в доказательство того, что установление *«государственной законности»* в стране отнюдь не означает разоружения советской власти в борьбе с крамолой. Это должно успокоить правящую партию, поднять настроение среди ее членов, дать «идейную пищу» пропаганде. Так во всех деспотиях террор имеет свои приливы и отливы, и формы его видоизменяются в зависимости от того, усиливается ли или ослабевает тревога правительства за завтрашний день.

Материал для процесса был доставлен московскому правительству провокаторами Семеновым-Васильевым и Коноплевой. На их роли нужно остановиться.

3. Провокаторы на службе у советской власти.

Семенов и Коноплева, имена которых так часто упоминались за последнее время в печати, — люди абсолютно ничем не замечательные, — разве лишь болезненной жаждой сильных ощущений и полной аморальностью.

Семенов (1891 - 1937 расстрелян – ldn-knigi) выплыл на поверхность политической жизни в 1917 г. Он был солдатом инженерного полка в составе XII армии и прошел от полка в армейский комитет. Называл он себя социалистом-революционером и так как в то время — после свержения царского самодержавия и до установления **{31}** самодержавия большевиков — все партии действовали открыто, не проверяя строго вливавшихся в их ряды новых членов, то и Семенова приняли в социал-революционную партию, не спрашивая его, откуда он взялся и каким путем пришел к революции и социализму. Дальнейшие этапы его деятельности могут быть установлены по его покаянной брошюре, изданной большевиками в Берлине при подготовке суда над социалистами-революционерами, и по показаниям свидетелей, частью прошедших перед судом, частью опубликовавших свои объяснения в зарубежной социалистической печати.

Во время октябрьского переворота, Семенов работал в военной комиссии при Центральном Комитете эсэров. Здесь уже в конце 1917 г. у него не раз выходили столкновения с партией, так как он то и дело требовал от организации активных уличных выступлений, а партия отвергала эти авантюристические планы. (См. берлинскую брошюру Семенова.).

После разгона Учредительного Собрания, Семенов вместе с Коноплевой организовал боевую группу, в которую вошло несколько человек рабочих, из зеленой, неустоявшейся молодежи.

От лица своей группы он предложил партии социалистов-революционеров открыть террористические действия против главарей советского правительства. Центральный Комитет ответил отказом. (Это обстоятельство ясно установлено на суде.)

Но несмотря на это, один из членов сорганизованного Семеновым кружка, рабочий Сергеев, при случайной встрече с Володарским, убил его. Центральный Комитет партии социалистов-революционеров публично дезавуировал этот акт. Семенову было заявлено, что за столь вопиющее нарушение партийной дисциплины, при исключительных обстоятельствах, переживаемых партией, виновный подлежит самой суровой каре. (См. показания Б. Рабиновича в № 918 «Голоса России».) Но к сожалению, партия не избавилась сразу от проникшего в ее организацию опасного авантюриста. Вскоре Семенов представил партии ряд новых проектов авантюристического характера. Каждый раз партия отклоняла его предложения.

Тогда он пускается в боевые **{32}** предприятия *без санкции* партии и *вопреки* запрещениям ее ответственных центров, при чем обманывает своих товарищей и уверяет их, будто действует по полномочию Ц. К. (Это подтверждено на суде всеми свидетелями. Любопытные подробности имеются в показаниях М. Тисленко, напечатанных в № 923 «Голоса России».)

Так, Семенов устраивает экспроприации чисто уголовного характера, организует и подготавливает новые террористические покушения и т. д. (См. берлинскую брошюру.).

Летом 1918 г., в разгар гражданской войны, Семенова арестовывают. В Чека на Лубянской он стреляет в одного из охранников и пытается бежать. Его ловят. Смертная казнь для него неизбежна. Но он обращается с мольбой о помиловании к Ленину, вступает в сношения с шефом красной жандармерии Дзержинским, — и его выпускают на волю. Он выходит из тюрьмы уже, как член большевистской партии со специальным секретным заданием: работать в организации социалистов-революционеров в качестве осведомителя. И несомненно, уже тогда богатую жатву должен был принести этот человек большевистским палачам, совершенно исключительную низость должен был он обнаружить, чтобы получить для себя и для Коноплевой не только амнистию и свободу, но и почетное место в рядах Российской Коммунистической Партии!

Имеются основания предполагать, что уже *тогда* Семенов предал в руки советской охранки все подробности убийства Володарского и, вообще, весь тот материал, который $3^1/_2$ года спустя лег в основание московского процесса. Но в то время велись разговоры об отказе социалистов-революционеров от вооруженной борьбы с советской властью, о легализации их партии, об амнистии — момент для использования показаний предателя был неудобный.

Во всяком случае, уже тогда большевики оценили, что Семенов для них ценное приобретение. Напомню, что в Советской России на провокаторов спрос огромный. Уже в начале 1918 года, большевистская партия пришла к заключению, что советская власть *должна* иметь провокаторов в эсэровских и меньшевистских **{33}** организациях. Несколько позже советское правительство создало такую

провокаторскую сеть, о какой департамент полиции при царизме — в виду скудости кредитов — не смел и мечтать. Вербовали провокаторов охранники Коминтерна тем же способом, как в прежнее время делали это царские жандармы — посредством угрозы расстрелом. Так, особой анкетой, произведенной в Бутырской тюрьме, установлено, что из прошедших через нее с ноября 1920 г. по февраль 1921 г. 150 слишком человек, 60 чел. получили предложение сделаться тайными агентами Чека и боле 50 чел. испытали при этом угрозу расстрелом.

Итак, у Семенова при поступлении его в агенты Чека было много сослуживцев-конкурентов. Но в огромном большинстве, это была мелкота, — людишки, подлые лишь в той мере, в какой подлость является профессиональным свойством каждого провокатора.

Семенов - Васильев (а вместе с ним и его подруга Коноплева) быстро выдвинулся в этой среде.

Вот, что сообщает «Социалистический Вестник» об его дальнейшей карьере:

«Во время русско-польской войны Семенов, вместе с другими русскими, был арестован поляками по обвинению в шпионстве в пользу красной армии. Арестованные вместе с ним были казнены, но Семенов остался цел и невредим и стал агентом Бориса Савинкова...

«Получив от Савинкова деньги и инструкции, Семенов проник в Москву и... немедленно вошел в сношение с Чекой, которой и заявил, что Савинков поручил ему организовать покушение на Ленина. Он выдал Чека имена других агентов Савинкова, а также все планы организации взрывов стратегических железных дорог, арсеналов и проч.

«И вот тогда большевики впервые попытались использовать «чистосердечное сознание» этого провокатора для возбуждения обвинения против эсэров! Чека официально заявила, что один «разоблачитель» (имя которого опубликовано не было) утверждает о сотрудничестве эсэров с агентами Савинкова. В виду этого Чека объявила всех членов Центрального Комитета партии с.- р. заложниками и заявила, что в случай покушения на кого либо из членов Совнаркома — *все* эти заложники будут немедленно расстреляны.

{34} «Но занесенный над эсэрами удар сорвался. Утверждение о существовании заговора эсэров с Савинковым, другом Врангеля и «сумасшедшего» Бурцева, было настолько чудовищно и неправдоподобно, что даже коммунисты не поверили этому. Сам Дзержинский, глава и руководитель В. Ч. К., лично посетил в Бутырках Гоца и других вождей партии с.- р. и заявил им, что угроза Чеки ни в коем случай не будет приведена в исполнение.

Но то, что большевики не осмелились предпринять в 1920 году, они легко решили проделать 2 года спустя.

В конце февраля 1922 г. в Берлине вышла брошюра Семенова-Васильева, «разоблачающая» военно-террористическую деятельность партии социалистов-революционеров и являющаяся, по-видимому, воспроизведением показаний, данных Семеновым Дзержинскому в конце 1918 или в начале 1919 года. (Г. Семенов «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров в 1917 - 1918 г. г.». Берлин 1922 г. – ldn-knigi).

Автор кается здесь в своей эсэровской работе 1918 года, работы, «направленной против интересов крестьян и рабочих», и попутно выдает все преступления врагов советской власти. (Краткое содержание этой брошюры см. доп. материал – ldn-knigi)

Это — типичное донесение полицейского агента-провокатора: так

и мелькают экспроприации, убийства, покушения, а главным образом, — имена, имена. В общей сложности, в этой тощей брошюрке оговорено не больше, не меньше, как 93 человека!

Если стольких же Семенов выдал через Савинкова в Варшаве, если стольких же он оговорил по возвращении из Польши в Москву, то воистину этот человек достоин занимать одно из первых мест в рядах вдохновителей московского процесса, и прав был Фроссар, когда в своей корреспонденции в „Юманитэ" он характеризовал его, как *физически и морально совершенный тип коммуниста!*

Общий смысл показаний Семенова сводится к тому, что Ц. К. партии социалистов-революционеров *знал* обо всех его, Семенова, боевых подвигах и в *тайне* санкционировал их, хотя *гласно* от них отрекался.

Вандервельде дал в коротких словах юридическую оценку этих показаний:

> **{35}** «Весь оговор Семенова, — заметил он, — основан на том, что он якобы с согласия Ц. К. устраивал покушения, которые затем Центральный Комитет дезавуировал. Однако после этого он снова устраивал покушения, партия снова от них отрекалась, а он, несмотря на такое поведение Центрального Комитета, продолжал готовить новые покушения. Правдоподобно ли это? Совершенно очевидно, что все это было придумано Семеновым впоследствии, совместно с теми, кто его инспирировал.»

Заключение Вандервельде — *«ни один нормальный суд не мог бы принять такого показания.»*

Но лидер бельгийского пролетариата не знает, что в России подобные показания соответствуют старой жандармской традиции: при самодержавии жандармский следователь, решив объявить на суде имя свидетеля-осведомителя, всегда норовил использовать это имя для возможно большого числа дел сразу.

В Екатеринославской тюрьме автор этой брошюры встречал одного полуграмотного железнодорожного сторожа, которому следователь приписывал оговор 102-х анархистов (сам сторож фигурировал сто третьим в том процесс). Выходило, что свидетель знал обо всех совершенных и подготовляемых в губернии экспроприациях и покушениях. О каждом акте ему приходилось беседовать с кем-либо из руководителей анархической группы и, таким образом, не оставалось сомнений в том, что за каждое дело должна отвечать группа в целом ...

Так при царизме показания провокатора подвергались предварительной обработке, подгонялись к предстоящему процессу. И могла ли большевистская охранка отказаться от этого доброго обычая, могла ли она воздержаться от предварительной «ретуши» литературной исповеди своего агента? Разумеется, нет. Она *обязана* была указать ему, как группировать, как освещать факты, что опустить, что прибавить, ведь это так легко; два-три слова в случайном разговоре доносчика с членами Ц. К. обвиняемой партии меняют всю перспективу... И вполне естественно, что берлинская брошюра Семенова и его судебные показания — в значительной части плод коллективного чекистского творчества.

{36} Но это делает показания в целом неправдоподобными, лишает их всякой ценности в глазах нормального суда! — скажет товарищ

Вандервельде.

Что делать! Царские жандармы подобными показаниями не брезгали. А новая красная жандармерия, как показал московский процесс, отличается от старой лишь большим невежеством и бесстыдством.

4. Накануне московского процесса.

Когда появилось первое сообщение из Москвы о предании 47 социалистов-революционеров суду Верховного Трибунала за террористические акты, когда начались кровожадные завывания большевистской прессы в России и в Европе, для всех стало ясно, что в Москве подготовляется судебное убийство.

На конференции исполнительных комитетов трех интернационалов в Берлине (в начале апреля) социалисты потребовали от большевиков прекращения террора в России. Само собой разумеется, большевики этого требования не приняли, но так как они добивались в то время создания «единого фронта» с социалистами, а западные социалисты, в силу своей буржуазно-предательской натуры, не соглашались на общий фронт с палачами, то представители Коминтерна, в конце концов, подписали вместе с представителями Второго Интернационала и Венского Объединения общую декларацию, в которой говорилось о предстоящем московском процессе следующее:

> «Конференция принимает к сведению заявление представителей Коммунистического Интернационала, что на процессе против 47 социалистов-революционеров будут допущены все защитники, которых пожелают подсудимые; что, как уже было указано в советской прессе до конференции, на этом процессе не будет вынесено смертных приговоров; и что, в виду публичного рассмотрения дела, представители всех трех исполнительных комитетов могут присутствовать в качестве слушателей, которым будет разрешено вести стенографические отчеты заседаний, с целью осведомления примыкающих к этим исполнительным комитетам партий».

{37} Это соглашение, явившееся основой позднейшего участия в процессе представителей социалистических партий Запада, в Кремле было принято неблагосклонно. 11-го апреля в московской «Правде» Ленин, в статье под заголовком «Мы заплатили слишком много», писал:

> «По моему мнению, наши делегаты поступили неправильно, когда они согласились на следующие условия:
> 1) Что советское правительство не вынесет ни одного смертного приговора в процессе 47 социалистов-революционеров; и 2) что представителям трех интернационалов будет позволено присутствовать на процессе. Эти условия представляют собой не что иное, как политическую уступку... Какие же уступки делает нам международная буржуазия? На это один ответ: никакой уступки... Какие же выводы можно сделать отсюда? По моему мнению, Радек, Бухарин и другие представители Коммунистического Интернационала поступили неправильно, когда

> они сделали уступки, не обеспечив себе уступок с противоположной стороны. Но отсюда не следует, что мы должны разорвать подписанное ими соглашение. Этот вывод был бы неверен. Отсюда мы должны извлечь лишь тот урок, что на сей раз буржуазные дипломаты оказались искуснее наших дипломатов, и что на будущее время мы должны маневрировать и действовать искуснее.»

Итак, повелитель советской России, намылив голову своим неумелым послам, все же признал подписанную ими и утвержденную Исполнительным Комитетом Коминтерна декларацию *обязательной* для советской власти.

Но уже в мае на столбцах «Роте Фане» *(нем., «Красное Знамя»; ldn-knigi)* началась кампания в доказательство того, что берлинское соглашение ни мало большевиков не связывает: большевики, — писала газета, — были бы *идиотами*, если бы считали необходимым выполнить принятые обязательства относительно допущения защитников...

Впрочем, до поры до времени это оставалось частным мнением «независимой» коммунистической газеты. Московское правительство не сразу решилось объявить свои обязательства «клочком бумаги». Оно не решилось на это даже тогда, когда ему пришлось отказаться от **{38}** лицемерных попыток установления «единого фронта» с социалистическими партиями Европы. Так, при распадении «девятки» (смешанной комиссии из представителей трех интернационалов) делегат Коминтерна Радек счел необходимым совершенно официально подтвердить, что разрыв переговоров об «едином фронте» ничего не меняет в той части берлинской декларации, которая касается предстоящего суда над социалистами-революционерами.

Считая себя связанными этой декларацией, большевики, после некоторых колебаний и с видимой неохотой, должны были допустить на суд иностранных защитников. Какую роль с самого начала они отводили им в предстоящем процессе, показывает передовая статья московской «Правды» от 11-го мая:

> «II-й интернационал прислал извещение, согласно которому он требует пропуска 10-ти социал-предателей, лакеев буржуазии, в качестве защитников эсэровских поджигателей и убийц. В числе этих молодцов находится один бывший буржуазный французский министр, 3 истинно-русских эсэра, которые сами ответственны за измену, подлость и предательство своих коллег по, с позволения сказать, «партии». Такой «полный» список сам по себе есть наглый... Пролетарская Россия отбилась от всех своих врагов, но эта пролетарская Россия вовсе еще не гарантирована от предательских нападений из-за угла... И если второй интернационал со своим привеском посылает таких людей, как своих «излюбленных лиц», то встреча их с нашей стороны будет вполне соответствовать. По Берлинскому соглашению трех интернационалов *мы обязались* пустить свободно избранных защитников для судебного процесса. Мы в точности выполним это *обязательство*. Но вне судебного процесса эти господа должны быть поставлены в такие

> условия, которые бы обеспечили нашу страну от их военного шпионажа, от поджигательской тактики этих негодяев, которые с одной стороны убивают рабочих вождей, с другой — трусят признаться в этом, виляют хвостом, поджигают, лгут, обманывают... тех своих придурковатых **{39}** товарищей, которых они посылают на самые опасные места».

Трудно представить себе что либо более наглое по тону. Но все же, и в этой статье «Правда» стояла на почве обязательности берлинского соглашения. Это давало возможность продолжать переговоры с большевиками об организации защиты на предстоящем суде. В конце концов, Вандервельде, Вотерс, Курт Розенфельд и Теодор Либкнехт (первые два — представители бельгийской рабочей партии, последние два — представители независимой социалистической партии Германии), опираясь на берлинское соглашение, выехали в Россию, — прекрасно зная, что едут навстречу оскорблениям, унижениям, — быть может даже, смертельной личной опасности.

27-го мая представители социалистического пролетариата Запада прибыли в Москву.

8-го июня начался процесс. Точнее; начались одновременно *два* процесса, соответствовавшие *двойной* задаче, которую ставили себе большевики, — «моральное уничтожение» врагов и подготовка физического убийства. С одной стороны, шла газетная и митинговая травля и инсценировка «народного гнева», с другой стороны, переплетаясь с этой травлей, разыгрывалась комедия судоговорения.

5. Инсценировка «народного гнева».

Эта кампания была для большевиков не просто подготовкой смертного приговора: если бы все дело сводилось к тому, чтобы расстрелять еще двенадцать социалистов, это можно было бы сделать без большого шума, хотя бы под видом *попытки к побегу* где-нибудь вдали от Москвы. Но задача заключалась в том, чтобы *заставить* рабочих *требовать* казни обвиняемых, в том, чтобы, путем травли подсудимых и их защитников, поднять дух в коммунистической партии и подогреть настроение среди беспартийных рабочих.

Уже на границе советской России представителей Интернационала, ехавших на процесс, ждала враждебная **{40}** демонстрация; подобные демонстрации провожали их до самой Москвы. Советская печать с восторгом сообщала о свистках и угрозах по адресу защитников. Воспроизводить здесь эти сообщения было бы длинно. Ограничимся той характеристикой, которую дал этим инсценировкам «народного гнева» Мартов в № 12 «Социалистического Вестника»:

„На станции Себеж, в Великих Луках, в Волоколамске, и, наконец, на Виндавском вокзале в Москве толпы согнанного властями сброда, чекистская сволочь, совместно со всякого рода коммунистическими назначенцами, атаковала поезд защитников под видом «российского пролетариата», требующего от них отчета в контрреволюционном поступке защиты обвиняемых эсэров. В пограничном городке Себеж, все население которого, кроме мещан-евреев, состоит из чекистов и контрабандистов, «работающих» с ними исполу, обнаружился «авангард

мирового пролетариата», досконально знакомый со всеми «грехами» Эмиля Вандервельде и учинивший ему допрос с пристрастием по поводу того, что он подписал Версальский договор. Само собой разумеется, что этот «авангард» твердо знает еще до начала суда, что убийство Володарского и покушение на Ленина организованы именно Ц. К. эсэров и что, поэтому, самое желание выступить их защитником есть соучастие в преступлении. Не менее сведущим оказался и «пролетариат» в Великих Луках, с тем добавлением, что в этом мировом центре ему было поручено довести «моральное воздействие» на 2-й и $2^{1}/_{2}$ -й Интернационалы до вышибания стекол, угроз рукоприкладством и, если верить корреспонденту «Дейли Геральд», то и до выстрела, сделанного из толпы переряженных в пролетариат чекистов».

В Москве, на Виндавском вокзале для встречи защитников были сделаны более солидные приготовления. Заимствуем описание их из «Правды» № от 27 мая:

«Уже к часу дня к Виндавскому вокзалу стали стекаться организованные группы народа со знаменами, оркестрами и пением. Демонстранты несут плакаты. На огромном полотне нарисован бельгийский король и рядом с ним Вандервельде. Под портретами аршинными буквами **{41}** надпись: «Господин королевский министр Вандервельде. Когда вы предстанете перед судом революционного трибунала?»

«На другом плакате, посвященном Теодору Либкнехту, вопрос: «Каин, Каин, где брат твой Карл?»

«На других плакатах пестрят лозунги: «Долой защиту тех, чьи руки обагрены рабочей кровью», «Позор Теодору Либкнехту, защитнику убийц своего брата». Надписи на знаменах на разных языках: русском, немецком и французском».

И тут же хор, заранее разучивший песню, сочиненную специально для этого случая каким-то казенным поэтом и наполненную ругательствами против Вандервельде. Я позволю себе привести целиком эту песню, как красноречивый показатель культурного и морального уровня инсценировавших эту встречу кремлевских диктаторов.

«Едет, едет Вандервельде,
Его встретим веселей,
Из лакеев меньшевистских
Всем лакеям он лакей.

«Он едет к нам,
Всемирный хам.
Конечно, рады мы гостям,
Однако, жаль,
Что нам, друзья,
Его повесить здесь нельзя.

«Сам убийца первоклассный,
Сразу понял он, подлец,
Коль засудим мы эсэров,
Что придет ему конец.»

В хаосе криков, свистков, угроз, одному из защитников, Курту Розенфельду, удалось поймать руководителя всей этой сцены, который и сам свистел изо всех сил, заложив пальцы в рот: это был — Бухарин, член Социалистической Академии Наук, один из руководителей Коминтерна, один из первых **{42}** сановников советского государства (и он же защитник Семенова-Васильева на суде (Впоследствии Бухарин, как передавали европейские защитники, признавался, что он, действительно, «был» у Виндавского вокзала во время демонстрации; но он утверждал при этом, что в кошачьем концерте не участвовал.).

28-го мая, травле социалистов-революционеров и их защитников была придана новая форма.

По всей Москве в разукрашенных автомобилях разъезжали размалеванные клоуны с балаганами Петрушек и в пошлых куплетах выкладывали московской публике «факты» предательства партии с.- р., «факты» грабежа и убийства ими защитников рабочего класса.

На публичной эстраде Тверского бульвара, недалеко от памятника Пушкина, Петрушка сообщал почтенной публике «самые достоверные факты» о преступлениях эсэров, сваливая в одну кучу эсэров, меньшевиков, кадетов и черносотенцев. Все это подкреплялось демонстрацией убиения преступников здоровеннейшей дубиной. Сначала к Петрушке приводят предателя меньшевика Мартова, который тут же и убивается дубиной. Затем ведут Чернова и начинается остервенелая свалка Чернова с Петрушкой, при чем, конечно, «добродетель» торжествует, и дубина Петрушки раздробляет череп «бандита Чернова». Та же участь постигает Вандервельде и других защитников-иностранцев.

Одновременно шли митинги: большевистские ораторы — с Троцким во главе — объезжали фабрики и заводы, произносили зажигательные речи, проводили резолюции с требованием беспощадной расправы и смертной казни для социалистов-революционеров. От этих ораторов рабочие узнавали, что социалисты-революционеры затеяли в России гражданскую войну, что по их вине в России свирепствует голод, и что все изменится к лучшему, лишь только советская власть расстреляет этих врагов трудящегося народа... Впрочем, нередко эти сообщения имели лишь второстепенное значение: главное было то, что большевистское начальство *приказывало* голосовать за казнь эсэров. И на многих заводах, вместе с кучками фанатизированных и развращенных демагогией коммунистов, покорно подымали руки за предлагаемую им резолюцию и беспартийные рабочие.

{43} Такая покорность покажется, быть может, непонятной рабочим Западной Европы. Но вы, живущее в свободных странах, вы, имеющие партийные и профессиональные организации, места для собраний, газеты, вы, обладающие хоть крупицей человеческих прав, вспомните, что пролетарий в Советской России — бесправное существо, и что большое мужество требуется от него, чтобы, вопреки угрозам, осмелиться голосовать против резолюции, предлагаемой «самим» Троцким, приехавшим на завод с чекистской свитой, в сопровождении красноармейского конвоя!

Но на митингах и резолюциях с требованием смертной казни социалистов большевики не остановились. Были пущены по заводам петиции, рабочих *заставляли* подписываться под состряпанными в

Кремле требованиями крови.

Порою рабочие отказывались ставить свои имена под призывами к убийству.

— Не хотите подписываться? — спрашивали коммунисты строптивых: А вылетать с завода, а в Чека прогуляться — хотите?

И петиции покрывались подписями. И столбцы «Правды» и «Известий» заполнялись кровожадными призывами, скрепленными названиями заводов, именами рабочих, цифрами подписей.

Если бы вы, рабочие Запада, могли прочесть весь этот бред, вы подумали бы, что русские рабочие—это сброд каких то кровожадных дикарей. Но нет! Эти петиции — клевета на русский пролетариат, вопиющее злоупотребление его именем, подлая ложь. А правда в том, что во всех деспотиях от имени порабощенного народа говорят те, в чьих руках плеть и ружье.

Неудивительно, что большевикам удалось протащить по заводам несколько сот кровавых резолюций. Большого внимания заслуживает тот факт, что, несмотря ни на что, из среды русских рабочих за время этой кампании все же раздавались голоса протеста против совершаемого над их совестью насилия.

Так, рабочий Иванов на площади у Виндавского вокзала, во время манифестации против европейских защитников, громко протестовал, — его тут же арестовали и отвезли в тюрьму.

{44} На митинге Богородско-Глуховской мануфактуры, рабочий Терентьев обратился к товарищам и к большевикам с речью, в которой сказал:

> «Товарищи, каковы бы ни были эсэры, едва ли бы сгоняли они нас на собрания, как овец, под угрозой лишения наших семейств необходимых продуктов из государственных лавок и кооперативов, как это сделали с нами; едва ли требовали бы они от нас штемпелевания постановлений правительства, состоящего из членов правящей партии, как это делаете вы, коммунисты. Я — старик, и вы мне не страшны, угроз ваших я не боюсь, а потому откровенно скажу, что в 1917 году, когда в правительстве были эсэры, мы, рабочие, без различия партий, чувствовали себя прежде всего гражданами России, а не рабочим скотом. Тогда нас не заставляли плясать под ту дудку, на которой вы сейчас играете в угоду вашим заправилам, которые вот уже четвертый год ездят на наших спинах.» (Передаю эту речь по сообщению собственного корреспондента «Голоса России».)

На целом ряд заводов («Голос России» отмечает такие протесты на Тульском Гос. Ружейном заводе, на Николаевском Судостроительном заводе и других.) рабочим удалось собраться тайком от большевистского начальства и вынести резолюции протеста против подготовляющегося убийства социалистов. Но не было в России ни одной газеты, в которой они могли бы огласить свой протест!

6-го июня московский Совет обсуждал доклад Радека о предстоящем суде. Раздавались речи о том, что нечего считаться с берлинским соглашением, что нужно, без долгих разговоров, расстрелять обвиняемых.

Высшей точки эта кампания достигла две недели спустя: на 20-ое июня, в годовщину убийства Володарского, большевики назначили в Москве и Петрограде уличные манифестами рабочих и красноармейцев с требованием казни социалистов-революционеров.

Красноармейцы были выведены на демонстрацию по наряду, как на парад. Рабочие и правительственные служащие получили приказ явиться к сборным пунктам по именным спискам. Было официально объявлено, что участники манифестации получат дневной заработок **{45}** (а в некоторых районах сверх того и горячий обед). Было дано знать рабочим, что назначенная манифестация — проверка их благонадежности, и что строптивых ждут суровые репрессии.

Вот несколько фактов, показывающих, как подготовлялась в Москве эта манифестация «народного гнева», и как относились к ней рабочие:

1. Фабрика „Богатырь". Несмотря на запертые ворота, большинству рабочих удалось с собрания уйти (прыгали через забор, разбрелись по корпусам.) Вместо 2500 оказалось 300-400 человек.

«Кровавая резолюция» собрала 35-40 голосов. Остальные просто не голосовали. Директор завода вопрос поставил ясно и определенно: «Неявившимся на демонстрацию — вычет трехдневного заработка». Кроме того, был распространен слух об увольнении. У рабочих забирали контрольные карточки, как это делалось в рабочие дни. Но, несмотря на это, в демонстрации участвовало не больше 400-500 человек.

2. Завод Калинкина (200 рабочих). На собрании вместо резолюции было предложено принять официальное воззвание Р. К. П. по поводу процесса. Аудитория ответила молчанием, и только раздался один робкий голос «проголосовать надо было бы». Но резолюция так и не была проголосована.

По вопросу о демонстрации представители Заводоуправления и Завкома заявили определенно; кто не явится — будет уволен. И все-таки, на демонстрацию пошло незначительное меньшинство.

3. В Центросоюзе за несколько дней до демонстрации было вывешено объявление за подписью заведующего хозяйственной частью следующего содержания: «Явившимся будет предложен обед». Обещание было сдержано.

4. На собрании сотрудников и рабочих «Транспортного отдела» Московского Потреб. Общества из 300 сотрудников присутствовало около 120 человек. За резолюцию, требующую «беспощадной» меры наказания для обвиняемых, голосовали 9 человек, причем 6 голосов принадлежали администрации. Результаты голосования привели в ярость докладчиков и вызвали прямые угрозы увольнением. После этого резолюция голосовалась еще пять раз. Но цифра голосующих за оставалась неизменной — 9 человек. Тогда резолюция **{46}** снимается и голосуется вопрос об участии в демонстрации 20-го июня. За участие голосует 13 человек.

5. Фармазавод № 2 (120 рабочих). За резолюцию, предложенную председателем, голосовало 5 человек. На собрании раздавались голоса, требующее ораторов других партий ... В демонстрации приняли участие те же пять человек.

6. На Электрической станции бывшей Об-ства 1886 г. За несколько дней до демонстрации комъячейкой был пущен для подписей лист с резолюцией, требующей смертной казни для эсэров. По некоторым

отделам с листом ходили члены Завкома и начальство. Несмотря на приставание к каждому рабочему, собрать много подписей не удалось. В самый день демонстрации был устроен предварительный митинг. Но из 1500 рабочих явилось на собрание 100 человек. В демонстрации приняли участие 200—300 человек.

7. Миусский трамвайный парк. На собрании раздавались многочисленные протесты: «Мы против смертной казни!» Резолюция не голосовалась. На демонстрацию не пошли.

8. Пресненский трамвайный парк. Собрание разошлось, как только рабочие узнали о том, что в повестке дня вопрос о процессе эсэров. На демонстрацию не пошли.

9. Мастерские Савеловской жел. дор. (рабочих 4.000). В свое время рабочие решительно отказались идти «встречать» Вандервельде. На собрание по вопросу об с.-р. пришло очень мало людей. За резолюцию о смертной казни голосовало 19 человек. После голосования резолюцию разносили для подписи по цехам, угрожая всевозможными репрессиями. Так заполучили 60-100 подписей. В демонстрации участвовало всего 60-70 человек.

10. Московское интендантство. В механическом слесарном цехе, благодаря листовкам Р. С.-Д. Р. П., разбросанным среди рабочих накануне демонстрации, единогласно было решено не участвовать в ней. Когда рабочие явились на работу 21 июня, цех оказался запертым, а помощник начальника цеха опрашивал каждого о причинах неявки на демонстрацию. Выслушав объяснения, он заявил, что с каждого неявившегося будет вычтено жалованье за пять суток (17 $^{1}/_{2}$ милл. руб.).

В швейном цех, комъячейка написала знамя за рабочих, никого **{47}** не спросив о лозунгах (в цехе 700 рабочих). Под знаменем шло несколько десятков человек.

11. Фабрика тонких сукон. На демонстрацию записалось около 40 рабочих (из 400 человек). Шли только коммунисты и кандидаты.

12. Фабрика «Майкапар». Явившись на работу и увидев знамя с требованием смерти с. - рам, рабочие потребовали уничтожения знамени. Комячейка отказалась, но зато вынуждена была участвовать в демонстрации в полном одиночестве.

13. 27-ая типография М. С. Н. Х. На общем собрании по вопросу об эсэрах, резолюция, предложенная от имени комъячейки, не получила ни одного голоса. На следующий день в «Правде» появилась грозная статья, требующая разогнать «меньшевистское гнездо». Сказано, сделано. Назначили нового начальника типографии, небезызвестного Полонского, который, несмотря на перегруженность типографии работой, «отпустил 200 рабочих (всего в типографии 300) «по домам» до осени. После этого, он собрал новое собрание, на котором выступал сам, и так таки провел резолюцию о применении к эсэрам «высшей меры наказания».

И, наконец, вот как изображает «Социалистический Вестник», из которого мы заимствуем приведенные сведения, манифестацию огромного Пресненского района:

«В демонстрации со всего района участвовало не больше 4.000 человек, насильно согнанных разными угрозами. Рабочие шли вперемежку с военными (без оружия). Среди них много женщин и подростков (12-13 лет). Бросалось в глаза отсутствие брянских железнодорожников. Лозунги со страниц «Правды». Настроение самое будничное и унылое. Все стремились скорее отбыть повинность — и домой. Характерен разговор, происшедший между красноармейцами и

группой женщин-демонстранток: «Вы чего, бабье, пришли?» — «А вы зачем?» — «Да мы люди казенные — нас погнали». — «Ну и нас погнали».

Разумеется, были мобилизованы дня участия в манифестации и все силы «комъячеек», все те рабочие, которые до сих пор верят большевикам, и которым правительственные «Известия» и «Правды», путем повторяемой изо дня в день клеветы, сумели внушить исступленную ненависть против социалистов.

{48} Эти элементы составляли в толп незначительное меньшинство, но они то и придавали манифестации желательный для инициаторов этого зрелища характер «народного гнева».

Так был подготовлен этот позор — манифестация, в которой смешались обманутые большевистской демагогией или запуганные угрозами начальства рабочие, развращенные преторианцы советского строя и те люмпены, которые еще недавно составляли главное ядро толпы, громившей евреев под руководством царской полиции, и которые теперь готовы идти туда, куда поведут их советские чекисты.

В 4 часа дня к толпе, наполнявшей Красную площадь, вышли члены ревтрибунала, генерал-прокурор Крыленко, председатель Московского совета Каменев и представители Коминтерна Радек, Клара Цеткин, Садуль и Шмераль. Первым оратором выступил председатель Трибунала Пятаков, заявивший толпе, что хотя он и не может предупреждать событий, но может с уверенностью сказать, что ревтрибунал сурово накажет подсудимых, которые посягали на советскую власть.

Вслед за ним говорил Радек, осыпавший ругательствами иностранных защитников. Затем Бухарин произнес речь в прославление Семенова и Коноплевой, которые дали в руки советской власти материал для суда над социалистами-революционерами.

И вот манифестанты дефилируют мимо суда. Члены Трибунала, вернувшиеся с митинга на свои судейские места, приказывают подвести обвиняемых к открытому окну, под которым бушует толпа, Социалисты стоят под градом угроз, оскорблений, издевательств. Впереди всех те из подсудимых, которые стояли во главе партии и готовы первые встретить смерть. В Гоца летит из толпы доска с надписью «смерть социалистам-революционерам». Судьи гогочут; визжит, захлебываясь от восторга, прокурор; ликуют защитники провокаторов...

Пять часов продолжается эта потеха. Но и этого мало большевикам.

В 10 час. вечера председатель сообщает, что делегация митинга просит Трибунал впустить ее и выслушать.

Прокурор Крыленко дает «разъяснение», что, хотя это по законам не предусмотрено, но по духу советской власти — вполне возможно! И «народ» предстал в «суде», в зале Трибунала бесновалась толпа наэлектризованных демагогами фанатиков, разнузданных чекистов и темных люмпенов. Раздавались дикие угрозы, лилась грязная ругань.

И судьи внимательно выслушивали «ораторов», жали им руки, благодарили за проявленную преданность советской власти, обещали все сделать согласно воле народа!

Два с половиной часа подлинной пытки выдержали социалисты-революционеры. Но, может быть, переживания этих закаленных борцов ничто по сравнению с теми муками, которые перенесли за эти часы их близкие — их жены, матери, сестры, допущенные присутствовать в суде

в качестве зрителей.

Я не могу воспроизвести здесь письма этих мучениц большевистского правосудия, письма, писанные кровью сердца, письма, которых нельзя читать без слез жалости и негодования. Мысленно они уже простились с дорогими для них людьми; они были уверены, что приблизился последний час, что этот ужасный день закончится самосудом, линчеванием подсудимых.

И так же оценивали свое положение сами подсудимые, до конца сохранявшие полное спокойствие, — ласковую, ободряющую улыбку для своих, взгляд, полный мужественного презрения, для палачей.

Но ни подсудимые, ни их родные не знали, что наемная сволочь, изображавшая в трибунале «разгневанный народ», получила от начальства приказ — болтать языком, но рукам воли не давать; кричать, ругаться, но не убивать тех, на кого у большевиков были иные виды... После манифестации 20-го июня кампания народного гнева как будто приутихла.

Почему? Устыдились ли большевики? Испугались ли они впечатления, произведенного на общественное мнение Европы? Или просто иссякла их изобретательность? Или появились у них новые планы? — Не знаю.

Обратимся к тому, как шла в эти дни работа Верховного Трибунала. Проследим прежде всего, в каких *формах* протекал процесс.

6. Комедия суда.

Первоначально большевики предполагали предать суду Верховного Трибунала 47 человк, затем, уже после берлинской конференции трех интернационалов, число обвиняемых было сокращено до 32. В этом числе было 22 человека, действительно принадлежащих к партии социалистов-революционеров, они представляли в процессе *«1-ю группу обвиняемых».* Рядом с ними на скамье подсудимых сидела еще *«2-я группа»*, состоящая из десяти человек и возглавляемая Семеновым и Коноплевой: это были перебежчики из эсэровского лагеря, по большей части, давно уже вступившие в ряды правящей партии и предательством товарищей заранее купившие себе прощение и милость.

Точно так же делилась и защита; обвиняемых «1-й группы» защищали русские адвокаты Муравьев, Тагер и др. и представители западноевропейского социализма Вандервельде, Либкнехт и Розенфельд; в роли защитников «2-ой группы» выступал десяток коммунистов с Бухариным во главе, и рядом с ними Грациадеи, Садуль, Шмераль и Феликс Кон. *(О защитнике Тагере, и его книгу см. у нас на стр.; ldn-knigi)*

Свою позицию в процессе защитники «2-й группы» определили следующим официальным, скрепленным их подписями, заявлением:

> «Защитники, как единое целое, не считают себя солидарными в защите». Мы не имеем ничего общего с господами Вандервельде и Розенфельдом. Мы не считаем возможным защищать врагов пролетарской революции, находящихся в лагере русской Вандеи. Однако, среди обвиняемых имеется группа лиц, которые признали, что участвовали в контрреволюционных деяниях и убедились в том, что политика Ц. К. П. С.- Р. была преступной. Эти лица честно перешли в лагерь пролетарской революции.

> На этом основании мы считаем своим революционным долгом взять на себя их защиту.»

Обвинение поддерживали: генеральный прокурор Крыленко, член правительства Луначарский, Покровский, Клара Цеткин, Муна, Садуль, Бокани.

В качестве членов Трибунала заседали три большевика. «Публику» или «народ» изображали 1200 человек **{51}** коммунистов и чекистов, — семьям обвиняемых было предоставлено всего лишь 22 билета.

В руках коммунистической охранки были и стенографирование, и переводы.

Фактически обвинение против 22 социалистов-революционеров велось с четырех сторон:

1) со стороны официальной прокуратуры,
2) со стороны предателей (т. н. 2-ой группы),
3) со стороны защитников этих предателей,
4) со стороны членов Трибунала.

И это — в обстановке непрерывной газетной травли, посреди разнузданной, специально подобранной толпы!

Защитникам «1-й группы» не давали говорить, их слова искажались переводчиками, их ходатайства с издевательствами отклонялись Трибуналом.

Речи обвиняемых, как это показывают даже большевистские тенденциозные отчеты о процессе, прерывались на каждом слове и председателем, и прокурором, и рядовыми чекистами из публики.

Трибунал отказался выслушать вызываемых обвиняемыми свидетелей, отказался допустить к участию в процессе четырех приглашенных ими русских защитников-социалистов, отказался от приобщения к делу документов, вскрывавших лживость и вздорность обвинения.

Нужно ли упоминать еще о том, что обвиняемые «1-ой группы» не были своевременно допущены к ознакомлению с обвинительным материалом, что иностранные защитники были лишены права свободного общения со своими русскими товарищами по защите, что стенограммы прений велись до такой степени недобросовестно, что ни обвиняемые, ни защитники не могли узнать в них свои собственные речи ?

Вся комедия суда была лишь подготовкой кровавой развязки.

На первом же заседании председатель трибунала Пятаков заявил, что суд *заранее отказывается от беспристрастного рассмотрения дела и намерен руководствоваться исключительно соображениями об интересах советской власти.*

{52} Это не был *суд* , как представляют себе суд в Европе. Это была пляска каннибалов вокруг связанных и ждущих смерти пленников.

Когда защита попыталась ссылаться на берлинское соглашение, большевики возразили, что это соглашение для них необязательно, что они им не связаны, и что Трибунал может делать все, что пожелает.

После 7 дней отчаянной борьбы за справедливость, за соблюдение берлинского соглашения, за жизнь обвиняемых, иностранные защитники подали в Трибунал следующее заявление :

„Мы констатируем, что во время заседания Трибунала постановления берлинского соглашения трех интернационалов неоднократно нарушались:

«1. Суд отклонил допущение четырех новых защитников и не разрешил, вопреки берлинскому соглашению, вести стенографическую запись.

«2. Суд объявил о своем желании при известных условиях поставить вопрос о том, должны ли иностранные защитники быть допущены в дальнейшем к участию в процессе.

«3. Обвинители Крыленко и Луначарский заявили, что берлинское соглашение не является для суда связывающим.

«4. Представитель делегации 3-го интернационала на берлинской конференции Бухарин заявил, что берлинское соглашение разорвано.

«Мы руководствуемся исключительно интересами защиты и потому, несмотря на изложенные выше факты, находимся в распоряжении обвиняемых, если они того пожелают.»

К этому моменту характер суда выяснился настолько, что дальнейшее участие в нем европейских защитников было явно бесцельно. Они не могли обеспечить соблюдение на суде норм процессуальной справедливости, не могли своим присутствием гарантировать гласность разбирательства, а фактически, благодаря фальсификации переводов и стенограмм и превращению судебных заседаний в сплошной митинг, лишены были даже возможности активного участия в прениях.

С другой стороны, присутствие европейских защитников на процессе создавало иллюзию, будто суд **{53}** протекает нормально, согласно условиям берлинской декларации трех интернационалов. Защитники чувствовали, что укрепление этой иллюзии приносит делу больше вреда, чем та польза, которую могут принести их выступления перед судом.

Это подсказало им решение отказаться от дальнейшего участия в процессе, — решение, которое было одобрено единодушно и обвиняемыми.

19-го июня Вандервельде, Либкнехт, Розенфельд и Вотерс покинули Москву (*причем им пришлось объявить голодовку, чтобы получить от большевиков разрешение на выезд*!)

Вернувшись в Европу, защитники в обращении к социалистическим партиям всех стран дали отчет об обстоятельствах, заставивших их уйти с суда:

«Берлинское соглашение, — писали они, — имело целью создать для пролетариата уверенность, что московский процесс против социалистов-революционеров будет вестись при соблюдении всех правовых гарантий свободной защиты и на строго объективной почве ...

«Тот способ, которым ведется процесс, не оправдал наших ожиданий, и с самого начала стало ясно, что вопреки обещаниям, данным третьим интернационалом в Берлине, обвиняемые были поставлены не перед судьями, а перед своими политическими противниками, намерением которых было осудить обвиняемых по государственным соображениям. Было уже знаменательно, что председатель суда вскоре после

открытия заседания сделал заявление, что этот суд является классовым судом и будет сознательно проводить классовую юстицию.

«Председатель верховного трибунала Крыленко явился перед подчиненным ему, как председателю, судом в качестве обвинителя, вопреки сделанному им самим только что распоряжению, которое воспрещает, по само собой понятным основаниям, председателю суда выступать на своем же суде в качестве обвинителя. Вместо себя Крыленко назначил председателем подчиненного ему в известном смысле Пятакова, зятя его жены. Последняя, то есть жена Крыленко, вела следствие и подписала обвинительный акт. Пред началом процесса Крыленко лично предлагал на публичных собраниях резолюции, в которых требовалось осуждение обвиняемых.

«Когда мы приехали в Москву, мы были встречены демонстрацией, по-видимому, хорошо подготовленной; демонстранты несли знамена и плакаты с оскорбительными для нас надписями. По нашему адресу раздавались ругательства и угрозы. Требовали бросить нас в тюрьму. Правительство утверждало совершенно ложно, что настроение, сказавшееся против нас на демонстрации, господствует во всем рабочем классе Москвы, и под этим предлогом заставило нас поселиться в двух часах езды от города и приставило к нам нескольких чиновников для наблюдения за всей нашей деятельностью. Поэтому мы чувствовали себя в Москве пленниками, да и были ими.

«Накануне процесса арестовали двух свидетелей и произвели обыск у одного из русских защитников. У этого защитника конфисковали на время часть его защитительного материала.

«Суд, у которого имелось в распоряжении 1200 входных билетов, не дал из них обвиняемым достаточного числа даже для их ближайших родственников. Почти все эти билеты, несмотря на наши возражения, были распределены при помощи политических и профессиональных организаций коммунистов между надежными членами партии и агентами Чеки. Вследствие этого в зале суда происходили порою такие шумные манифестации, что, в конце концов, должен был вмешаться даже председатель.

На 20-ое июня в годовщину смерти Володарского, московская коммунистическая партия организовала большую демонстрацию перед судом с лозунгом: «Строгое наказание для обвиняемых». В самом здании суда, рядом с залом заседаний, была устроена выставка брошюр и картин, которые имели целью наглядно представить мнимые «преступления» социалистов-революционеров. В то время, как те из обвиняемых, которые оспаривали всякое свое участие в террористических актах, содержались в тюрьме, доносчики Семенов и Коноплева, которые признались в том, что они убили Володарского и совершили покушение на Ленина, — были оставлены на свободе. Во время перерывов можно было видеть, как они самым дружеским образом разговаривали с коммунистическими вождями, близкими партийными

товарищами тех, кого они убили и на кого совершали покушение. На самом процессе происходили инциденты, которые вызвали в обвиняемых и в нас окончательное решение оставить защиту... Берлинское соглашение не было соблюдено. Этим была отнята почва у нашей защиты. Наше дальнейшее пребывание могло бы вызвать ложное впечатление, будто обещания, данные в Берлине, были сдержаны.

«Вследствие нарушения берлинского соглашения ставилось под вопросом и важнейшее из его постановлений; на процессе социалистов - революционеров исключается вынесение смертных приговоров. В течение целых недель коммунисты в печати и на собраниях ведут кампанию, чтобы не только добиться осуждения на смерть социалистов-революционеров, но и исполнения смертных приговоров. Суд заявляет, что ему нет никакого дела до берлинского соглашения. Представители 3-го интернационала утверждают, что соглашение порвано, и что все обещания 3-го интернационала потеряли значение. Если бы мы выслушивали такие заявления, не выражая против них немедленно же самого резкого протеста и не обращаясь всеми нашими силами к международной социалистической совести, то мы подвергались бы опасности внезапно очутиться перед совершившимся фактом.

«Но до этого не должно дойти! Ни при каких условиях смертный приговор не приемлем. Жизнь обвиняемых должна быть сохранена!

«Пропасть, разделяющая рабочие партии, уже затруднила всякое общее действие против капитализма и реакции. Этой пропасти не должно углублять. Если она будет залита кровью обвиняемых эсэров, то через нее долго нельзя будет переступить.

«Лозунгом рабочих партий всех стран и всех направлений должно быть: «Да не будет вынесено смертного приговора обвиняемым эсэрам!»

{56} Так из проституированного, опозоренного здания московского Трибунала процесс социалистов революционеров был перенесен на суд мирового пролетариата.

Три дня спустя после того, как европейские социалисты покинули Москву, отказались от участия в процессе и русские защитники. Их отказ был вызван всем тем, что разыгрывалось в стенах Трибунала и перед его окнами 20-го июня.

По поводу событий этого дня Муравьев от имени всей защиты первой группы обвиняемых подал Трибуналу следующее заявлению:

«20-го июня председательствующим, несмотря на наш протест и отказ государственного обвинителя высказаться по формальным соображениям по поводу допущения оглашения в зале заседания резолюций, принятых на митинге 20-го июня, были допущены демонстранты, нанесшие оскорбления защите и подсудимым и огласившие резолюцию о применении высшей меры наказания к обвиняемым, которая была принята на митинге якобы от имени всех рабочих организаций Москвы и Петрограда.

> «Появление демонстрантов в зале суда и объявление ими Трибуналу резолюции митинга нарушило нормальное течение процесса и предрешило приговор суда, лишив его законной силы, и уронило значение высшего судебного органа республики — процессуальным нарушением судебного разбирательства. Указанные данные заставляют защиту просить прервать процесс и возобновить его при новом составе Трибунала и при участии других государственных обвинителей».
>
> Трибунал ответил на это, что «просьба защиты о перерыве процесса и о самороспущении Трибунала не подлежит рассмотрению, так как Трибунал допустил рабочие депутации на заседание, вполне сознавая значение своих действий».

Защита настаивала на своем требовании, ссылаясь на законы советской России, в которых предусмотрен вопрос о появлении в заседании суда посторонних лиц.

В самом деле, *наказ кассационным коллегиям Верховного Трибунала о поводах к отмене приговоров* в (см. сборник циркуляров пленума трибунала В. Ц. И. К., изд. управления **{57}** судебного надзора Верх. Трибунала В. Ц. И. К., 1922 г., Москва) прямо указывает, что, независимо от содержания кассационных жалоб, *приговор подлежит безусловной отмене* «во всех случаях допущения к участию в деле лиц, не предусмотренных процессуальными нормами трибунального производства, то есть, кроме членов суда, обвиняемых, обвинителей и защитников, свидетелей, экспертов по делу, и во всех случаях допущения, в течение судебного разбирательства, не предусмотренных теми же процессуальными нормами моментов, имевших или могущих иметь влияние на существо приговора.»

Текст совершенно ясен. Выступление на суде делегаций и обмен речами между ними и членами суда, как справедливо отметил это «Социалистический Вестник», был именно «моментом, не предусмотренным процессуальными нормами», и столь же несомненно этот момент «мог иметь влияние на существо приговора». Стало быть, даже и юридически *приговор Верховного трибунала заранее подлежал безусловной отмене.*

Но *закон* для большевиков имеет не больше значения, чем подписанные ими *обязательства*: члены Трибунала лишь смеялись над ссылками защитника на закон. Муравьев бросил им с гневом: «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к своим законам и смеются над людьми, закон защищающими».

Ответом было возбуждение против защитника судебного преследования за оскорбление советского правительства !

Защитники, после совещания с обвиняемыми, заявили тогда, что не могут дальше участвовать в процессе. Верховный Трибунал ответил на это постановлением, которое 24-го июня было опубликовано в советских газетах. Вот это произведение творчества советских судей :

> «Только полной безграмотностью защитника Муравьева и его полным непониманием юридической природы суда можно объяснить ходатайство, направленное к данному составу суда об его самоликвидации. Верховный Трибунал с полным

сознанием того, что **{58}** он делает, допустил делегацию рабочих в зал заседания и сам присутствовал на демонстрации 20-го июня. Трибунал действовал не случайно, а с полным пониманием смысла и значения своих действий. Трибунал усматривает в заявлении защитников, что под прикрытием юридической аргументации ведется определенная политическая борьба против того приговора, который будет вынесен революционным Трибуналом. Только полной заскорузлостью буржуазного мышления Трибунал объясняет себе тот аргумент защитника Муравьева, который был направлен на то, что суд может выносить свой приговор лишь в том случае, если он находится под стеклянным колпаком. Судьи живые люди и изолировать их от общественной жизни нельзя. В данном случае, важно не то, что произошло, а как суд реагировал на происшедшее. Трибунал считает, что многое из того, что было заявлено здесь 20-го июня, неправильно, но он заявил: что, может быть, кое-что из заявленного правильно. Трибуналу важно было установить только два факта, которые и были засвидетельствованы делегацией рабочих: 1) что рабочие массы поддерживают советскую власть и 2) что суд действует не изолированно от рабочих масс, а в атмосфере доверия и поддержки этих масс. Поэтому председателем Трибунала было заявлено, что нам ценны те заявления, которые были сделаны демонстрантами.

«Что касается до протеста защиты против оскорблений, нанесенных демонстрантами подсудимым, то Трибунал заявляет, что рабочие не окончили юридического факультета и не знают правил хорошего тона, почему и позволили себе такие выражения, которые не следовало произносить в зале заседания. Исходя из этих соображений, Трибунал считает недопустимым придираться к грубым выражениям, раздавшимся из уст рабочих.

«Относительно пристрастности суда, то Трибунал еще в первый день заявил, что он смеется над лицемерными заявлениями буржуазных стран о том, что суд должен стоять вне классовой борьбы и выносить приговоры какого то неземного беспристрастия. Поэтому опорочить приговор пролетарского классового суда защитнику Муравьеву, может быть, удастся в какой либо другой стране, но не в рабоче-крестьянском государстве. Поэтому Верховный Трибунал оставляет заявление защиты без рассмотрения и предлагает ей, в случай недовольства действиями Трибунала, направить свою жалобу народному комиссариату юстиции и президиуму ВЦИК-а.» (Эти высокие учреждения уже рассмотрели заявления защитников и вынесли свое решение: защитники арестованы и высылаются в Архангельскую губернию.)

Нет надобности останавливаться на оценке этого документа ...

Итак, защита вынуждена была покинуть Трибунал».

С 23-го июня обвиняемые остались одни лицом к лицу со своими палачами.

Гендельман от имени своих товарищей в этот же день сделал

судьям следующее, дышащее гордой смелостью заявление:

— «С первого дня процесса все законные требования наших защитников неизменно отклонялись Трибуналом и всегда сопровождались ироническими замечаниями. Такое поведение Трибунала заставило покинуть процесс сначала иностранных защитников, которых к тому же буквально травили везде и всюду — даже это высокое учреждение, именуемое Верховным Революционным Трибуналом, не спасало их от оскорблений и насмешек со стороны не только откомандированной на процесс публики, но и со стороны прокуратуры и членов Трибунала. В дальнейшем — вчера и русская защита была вынуждена сложить с себя свои обязанности в виду явного нарушения революционного закона его блюстителями.

«При таком положении едва ли наш процесс может быть назван судом: его члены и его обвинители во время перерывов выступают на митингах, устраиваемых компартией, где делятся своими впечатлениями и заключениями, вынесенными ими за время процесса.

«И если мы до конца остаемся здесь и не требуем отправить нас обратно в тюрьму, то только для того, чтобы доказать инициаторам настоящего процесса, что он нам не страшен.

{60} «Участие членов Трибунала и обвинения на митинге, где была вынесена резолюция о применении к нам высшей меры наказания, то есть смертной казни, заставляет нас предполагать о солидарности наших суде и с теми руководителями и организаторами казенной демонстрации, которые угрозами сгоняли рабочих для одобрения нужной им резолюции. Нам известно, что перед демонстрацией и митингом 20-го июня на фабриках и заводах были произведены среди рабочих массовые аресты ...»

Председатель перебил обвиняемого:

— Трибунал ни отрицать, ни утверждать указанного факта участия его членов на митинге не может, но просит доказательств об арестах рабочих и о сгоне их на демонстрацию.

Гендельман указывает:

— Массовые аресты были произведены на фабриках Прохорова, Носова, Рябова, Раненберга, в ж. - д. мастерских и пр., при чем рабочим было заявлено, что если они не пойдут на демонстрацию, то тем самым признаются, что они за одно с эсэрами, а перед выходом на демонстрацию с каждой фабрики и завода рабочие проверялись по спискам.

Председатель вторично прерывает Гендельмана и требует не оскорблять московских рабочих, пошедших на демонстрацию добровольно. Тогда Гендельман, указывая рукой на листки, имеющиеся у некоторых лиц из публики, заявляет:

— Я всегда воздерживался от голословных утверждений. Прошу Трибунал рассмотреть выпущенное московскими рабочими воззвание, протестующее против оперирования их именем в резолюции, вынесенной 20-го июня.

Председатель спрашивает Гендельмана :

— Больше вы ничего не можете добавить?

Гендельман:

— Мне кажется, ко всему мною сказанному и указанному вообще трудно что либо добавить — и так все ясно.

— (Передаю эту сцену по отчету «Голоса России»).

Да, все было ясно. «Суд» продолжался.

{61}

7. В чем их обвиняли.

Вандервельде в следующих словах резюмировал политическое и юридическое содержание московского процесса:

> «Большевики выставили против эсэров четыре обвинения:
>
> 1. — эсэры с оружием в руках защищали Временное Правительство.
>
> Эсэры признают этот факт и гордятся этим.
>
> 2. — эсэры с оружием в руках защищали Учредительное Собрание.
>
> Эсэры признают это и жалеют, что им этой защиты не удалось довести до конца.
>
> 3. — эсэры вели вооруженную борьбу с советской властью.
>
> Эсэры признают, что это несомненно исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализировала партию.
>
> 4. — эсэры принимали участие в убийстве Володарского и в покушении на Ленина.
>
> Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля, — кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит.»

Первые три обвинения относятся к участию партии социалистов - революционеров в гражданской войне за время от конца 1917 года до начала 1919 г.

Эта гражданская война была начата *большевиками*, которые путем заговора захватили в октябре 1917 г. власть, разогнали всенародное Учредительное Собрание, отвергли все предложения социалистических партий об едином фронте. Поэтому на коммунистической партии лежит вся ответственность за пролитую в ходе этой войны кровь крестьян и рабочих.

Память у большевиков не настолько коротка, чтоб они могли забыть, как Ленин уже в *апреле* 1917 г. призывал рабочих к гражданской войне. Это было его первое слово после переезда русской границы. Большевики помнят, как в *июле того же года* двигались по улицам Петрограда их грузовики с **{62}** вооруженными людьми, с пулеметами и с плакатом: «Да здравствуем гражданская война!» Они помнят, какие усилия прилагали в то время социалисты-революционеры и меньшевики, чтобы спасти единство демократии, чтобы предупредить братоубийственную войну в ее среде. Какое же право имеют эти люди обвинять теперь социалистов-революционеров за то, что те участвовали в гражданской войне, защищая Временное Правительство и Учредительное Собрание?

Можно как угодно оценивать политику Временного Правительства первого периода российской революции. Как угодно можно оценивать и лежавшую в основе этой политики идею коалиции социалистов с

буржуазно-демократическими элементами. Но одно ни в ком не может вызывать ни малейшего сомнения: что партия, делегировавшая в составе правительства своих членов, не только имела право, но была *обязана* всеми силами защищать его против посягательств заговорщиков-путчистов, каковыми были большевики, имевшие в своем распоряжении штыки, но не имевшие за собой большинства народа.

Точно также по разному можно смотреть на принципы народовластия и на Учредительное Собрание, являющееся воплощением этих принципов. Но ясно, что партия, стоящая на почве народовластия и получившая при всенародном голосовании большинство голосов, была *обязана* исчерпать все средства для защиты Учредительного Собрания от насильственных посягательств на его суверенные права.

А гражданская война и Волжский фронт весны 1918 г. явились историческим продолжением защиты Учредительного Собрания, той защиты, которую большевики так легко сломили в январе 1918 г. И опять таки, можно по разному оценивать политику партии социалистов-революционеров в этот период; можно осуждать линию поведения, которой следовали в это время отдельные члены партии, входившие в состав правительства, руководившего борьбой на Волжском фронте и в Сибири (так называемой „Директории"), — но это — вопрос *политической* или *исторической* оценки, вопрос, который ни в коем случае не может быть подменен вопросом об *юридической*, судебной ответственности партии, защищавшей в ходе гражданской войны **{63}** идею народовластия, перед партией, затеявшей эту войну ради утверждения своей диктатуры.

С точки зрения *юридической* вопрос исчерпывается тем, что после решения партии социалистов-революционеров отказаться от вооруженной борьбы с советской властью — решения, окончательно утвержденного советом партии в феврале 1919 года, — большевистское правительство объявило *амнистию* всем членам партии, участвовавшим в гражданской войне.

Партия была вслед за этим легализована и получила даже возможность издавать в Москве свой орган.

Правда, этот орган был закрыт на десятом номере; правда, две недели спустя после легализации партии начались массовые аресты ее членов; правда, в том же 1919 году партии пришлось вновь уйти в подполье, — но в течение $2^1/_2$ лет оставалось все же бесспорным, что амнистия, объявленная советским правительством, исключает всякую возможность судебного преследования за деяния, покрытые этим актом.

И вот теперь, в 1922 году, большевистский суд подымает вновь эти старые дела.

Победители гражданской войны, захватчики власти судят, как мятежников, тех людей, которые пытались $4\text{-}4^1/_2$ года тому назад защитить народных избранников от насилия! Судят их в нарушение собственного закона, в нарушение собственной клятвы, — ибо акт об амнистии является одновременно и законом, и клятвенным обещанием!

По-видимому, большевики сами чувствовали невозможность подобного суда. Но советские юристы нашли выход из положения и внесли в обвинительный акт по делу социалистов - революционеров следующие соображения:

«Члены Центрального Комитета партии социалистов-

> революционеров руководили контрреволюционной деятельностью партии с. - р. по подготовке вооруженного свержения советской власти, как до амнистии 1919 года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному смыслу амнистии, таковая на них распространена быть не может.»

{64} Справедливую отповедь творцам этого толкования дал в «Социалистическом Вестнике» Мартов:

> «Отцы-иезуиты, — писал он, — во истину, «мальчишки и щенки» в сравнении с коммунистическими казуистами. Воображаем, какой взрыв негодования поднялся бы в Коминтерне, если бы какое-нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную им коммунистам амнистию в том смысле, что она распространяется лишь на тех из них, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней деятельности по борьбе с буржуазией! Даже царское правительство, амнистировав нас в Октябре 1905 года, не придумало после посадить нас обратно в казематы для наказания за старые «преступления» на том основании, что мы занялись новыми!»

Но сами обвиняемые в московском процессе не пользовались этим метким и сильным аргументом: согласно своему пониманию политического смысла процесса, они не хотели формально-юридическими доводами парировать направленные против них удары и предпочитали отвечать на них ссылками на свой революционный долг.

Так, Гоц, в ответ на запрос председателя, имеет ли он что-нибудь добавить к обвинительному акту, заявил:

> «Как член Ц. К. партии, пославшей своих членов во Временное Правительство, обязанный поддерживать последнее и всегда бывший в курсе правительственных решений, я принимаю на себя всю ответственность за вооруженное выступление в октябре 1917 г. Другого исхода для Центрального Комитета быть не могло, тем более, что наши политические противники во время борьбы с нами в октябре выкинули народным массам лозунг: «мир во что бы то ни стало»!
>
> «После октябрьского переворота мы считали своим прямым долгом перед родиной начать вооруженную борьбу с захватчиками власти, подписавшими позорные условия Брест-Литовского соглашения и готовыми на дальнейшие уступки, ведущие к порабощению русского народа, только что сбросившего с себя оковы самодержавной власти.»

{65} Эта позиция обвиняемых сделала бесцельными и жалкими попытки обвинения «разоблачить» борьбу социалистов-революционеров против советской власти. И потому кремлевская прокуратура перенесла свое внимание с общего вопроса о гражданской войне на частный вопрос о сношениях социалистов-революционеров, во время гражданской войны, с иностранными миссиями.

Ответ на эти обвинения дал Тимофеев в своих объяснениях по поводу обвинительного акта:

> «Выставленные против нас обвинения в сношениях с иностранными державами и получение от них военной и финансовой помощи в 1917 году следует адресовать Временному Правительству, признанному всем русским народом, в состав которого, на правах членов правительства, входили члены нашей партии. Это правительство стояло на страже соблюдения договоров и обязательств с союзниками, и члены нашей партии, входившие в его состав, считали охранение чести русского народа и насущных интересов Родины своими высшими обязательствами. Они признавали необходимым дальнейшее участие России в мировой войне, надеясь, исходя из своих социалистических идей мира, добиться при будущих переговорах приемлемых для России условий. Заключенный в 1918 году Брест-Литовский договор вызвал дальнейшее сотрудничество с союзниками, необходимое для спасения Родины от германского империализма, поддерживаемого советской властью. Наш контакт с союзниками продолжался до германской революции.»

Показания свидетелей, прошедших перед судом, в полной мере подтвердили эти объяснения.

Единственной опорой обвинения в этом пункте остались голословные утверждения предателей-перебезжчиков. Но и они не могли привести ни одного существенного факта и лишь ссылались друг на друга, как на первоисточник осведомления.

Тринадцать заседаний Трибунал посвятил на уличение социалистов-революционеров в террористических актах против представителей советской власти. Конкретно речь шла о двух актах, — об убийстве Володарского 20 июня 1918 г. и о покушении на Ленина в сентябре того же года.

Относительно первого террористического акта с полной точностью установлено, что это убийство было совершено рабочим Сергеевым, входившим в **{66}** Семеновский отряд, и что Центральный Комитет партии не только не санкционировал этого акта, но отнесся к нему с самым резким осуждением.

Что же касается до покушения на Ленина, то оно было совершенно без ведома партии экзальтированной девушкой Дорой Каплан, бывшей анархисткой, чуть ли не накануне покушения вступившей в партию социалистов-революционеров, доведенной до исступления зрелищем зверств большевизма и мечтавшей своей смертью купить русскому народу освобождение от ярма диктатуры. На выстрел Доры Каплан большевики ответили массовыми убийствами заложников. Тысячи ни в чем неповинных людей были перебиты и зверски замучены.

Но эта груда трупов показалась главарям большевизма недостаточно высокой. И вот, четыре года спустя, выдвигается вопрос об ответственности партии социалистов-революционеров за этот роковой выстрел Доры Каплан.

Доказать *прямо* связь партии с этим делом, разумеется,

невозможно. Но пускаются в ход косвенные улики: партия *обсуждала* вопрос о терроре, *сочувствовала* террористическим актам, была *склонна* приступить к террористической борьбе . . .

В самом начале процесса Гоц заявил:

> «Что касается предъявленных мне, как члену Центрального Комитета, обвинения в санкции отдельных выступлений некоторых членов партии, покушавшихся на жизнь вождей наших политических противников, то эти обвинения я отвергаю, как необоснованные, не имеющие фактических данных и построенные исключительно на голословных показаниях, данных бывшими членами нашей партии при переходе их в коммунистическую партию. Такие выступления резко расходятся с постановлениями Центрального Комитета.»

По вопросу об обсуждении партией вопроса о террористической борьбе против большевиков, Тимофеев привел следующую справку:

> «Первый раз Ц. К. обсуждал вопрос о терроре в середине января 1918 г., но абсолютным большинством вопрос был снят с очереди. Второй раз тот же вопрос был поднят в январе и в третий раз в июне месяце в Москве, и всегда решался отрицательно тем же абсолютным большинством.»

{67} Но почему же этот вопрос снова и снова вставал перед партией ?

Свидетельские показания с полной несомненностью доказали, что все террористические планы исходили от Семенова и Коноплевой, и что этой же четой провокаторов и завербованными и обманутыми ею людьми, без ведома партийного центра, были совершены те действия, ответственность за которые большевики хотели взвалить на партию социалистов-революционеров. Это был решительный провал главного пункта обвинения.

Тогда большевики выдвинули против подсудимых новое обвинение — принялись судить их за деяния парижского «внепартийного объединения».

Это новое обвинение большевики основывали на документах, выкраденных монархистами из парижского архива руководящего центра названной организации.

Когда большевистский прокурор Крыленко возбудил перед Трибуналом вопрос о приобщении к делу полученного материала, Гоц от имени обвиняемых заявил:

> «Мы, обвиняемые, члены Ц. К., не раз заявлявшие Трибуналу, что принимаем на себя всю ответственность за действия всех групп партии, поскольку эта деятельность имела место в России, а также отвечаем за все выступления нашей заграничной делегации в настоящее время. Что же касается предъявления нам Трибуналом совершенно новых, сомнительного происхождения документов, освещающих якобы деятельность каких то групп, которые выступали заграницей от имени нашей партии и, по мнению государственного обвинителя, были тесно связаны с нашей работой, мы заявляем Трибуналу, что принять на себя

> ответственность за неизвестную нам деятельность неизвестных нам лиц — мы не можем, а потому ходатайствуем об изъятии полученных документов из судебного производства, как не имеющих прямого отношения к приписываемым нам обвинениям.»

Суд отказал обвиняемым в их ходатайстве. Документы были приобщены к делу. С вопроса о том, что делали в России Гоц, Тимофеев и другие обвиняемые, Трибунал перешел, таким образом, к вопросу о том, что делали третьи лица в Париже в то время, как обвиняемые томились в тюрьме.

{68} Тогда Гоц обратился к суду с новым заявлением:

> «Подсудимые первой группы поручили мне передать Трибуналу, что они отказываются участвовать в обсуждении новых документов и просят Трибунал избавить их от присутствия в зале заседания при оглашении и обсуждении этих документов».

Эта просьба подсудимых была удовлетворена. Им предоставлено было покинуть зал, и судьи без них занялись рассмотрением доставленных из Парижа бумаг.

Что это за бумаги? Что представляло собой «беспартийное объединение», и какое отношение имеют к этой организации московские узники советской власти?

На эти вопросы отвечает опубликованное 14-го июля заявление заграничной делегации партии социалистов-революционеров:

> Большевики совместно с монархистами выкрали некоторые документы из парижского архива бывшего Административного Центра Внепартийного Демократического Объединения. Крыленко через несколько дней после кражи передал часть этих документов «ревтрибуналу», прося приобщить их к делу о членах Ц. К. ПСР. Большевистский суд, несмотря на протесты обвиняемых, удовлетворил это ходатайство.
>
> «Заграничная делегация ПСР заявляет:
>
> «1. Ни один из членов партии с.- р. обвиняемых на московском процессе не принадлежал к заграничному беспартийному объединению.
>
> «2. Во время деятельности этого объединения, (1920-21 г.г.) обвиняемые находились в тюрьме.
>
> «3. Деятельность объединения протекала заграницей и, как явствует из декларации Административного Центра, опубликованной год тому назад в газете „Воля России", заключалась в содействии объединению сил революционной демократии, в создании и поддержке органов печати, ставящих своей задачей борьбу с интервенцией и белой и большевистской диктатурами, и в осведомлении в духе этих задач европейского общественного мнения.
>
> «4. Отдельные члены партии с.- р., находящиеся заграницей, входили в это объединение и принимали участие в таких созданных им или пользовавшихся его поддержкой

органах, как «Воля России» и **{69}** «Пур ля Руси», которые, не будучи партийными, ни в чем не расходились, однако, с политическими директивами партии.

«5. Административный Центр этой внепартийной организации не находился ни в какой зависимости от партийных центров и действовал вне контроля партии, которая поэтому никакой политической ответственности за его действия нести не может.

«6. Попытка «уличить» партию с. р. в организации восстаний на основании выкраденной у заграничного внепартийного объединения информационной и административной переписки (не говоря уже об уголовных приемах добывания документов для обвинения и о нелепости самой попытки установить связь между организацией данного типа и местными восстаниями в России) свидетельствует лишь о полном бессилии большевистских прокуроров найти в полицейских доносах и провокаторских показаниях достаточный материал для обоснования заготовленного заранее приговора.

„Партия с. - р. не намерена уклоняться от исторической и политической ответственности за всю ту борьбу, которую она вела и ведет против большевистской и белогвардейской диктатуры, в том числе и за тот период ее, когда она подымала оружие на защиту народовластия. Но она с презрением отметает полицейские попытки навязать ей ответственность за действия, в которых она не принимала и не принимает участия.»

Я не буду останавливаться здесь на рассмотрении *по существу* украденных из парижского архива документов, не буду оценивать деятельность „внепартийного объединения». Ибо я говорю здесь не о преимуществах той или иной доктрины, той или иной тактики, а о *двенадцати смертниках*. И возможны ли два мнения о суде, который изрек им смертный приговор за действия организации, в которую они, обвиняемые, не входили, о которой они знали лишь по смутным слухам, и на которую они *не могли* оказывать ни малейшего влияния!

Но чтобы оценить в полной мере этот момент московского процесса, нужно припомнить еще, что люди, **{70}** сидевшие на скамье подсудимых, давно уже, задолго до начала, процесса, открыто и со всей решительностью выступили против тенденций парижского «внепартийного объединения» и примыкающего к нему «совещания членов Учредительного Собрания» — я имею в виду опубликованное в № 14-15 „Революционной России» (ноябрь-декабрь 1921 г.) письмо «к зарубежным товарищам», подписанное Тимофеевым, Гендельманом, Гоцем, Донским, Б. Ивановым, Лихачем, Раковым, Евгенией Ратнер и другими.

«В чем на наш взгляд состоит основная задача зарубежных представителей партии? — писали товарищам заключенные в Бутырской тюрьме социалисты-революционеры: В том, чтобы связать ту борьбу, которую ведет наша партия, как партия социалистическая и революционная, в России, с борьбой международного рабочего класса. Знакомить европейское социалистическое мнение с уроками русской революции, с

опытом русских социалистических партий, с их ошибками, поражениями и победами, с одной стороны, и с другой — *интернационализировать* нашу борьбу с диктатурой большевистской партии, приобщать, вовлекать в нее рабочий класс всех стран, подкреплять усилия наших организаций, борющихся в неимоверно тяжелых внешних условиях, моральной и идейной поддержкой международного рабочего класса — вот на что должно быть устремлено главное внимание наших зарубежных товарищей, долженствующих всегда помнить, что наша партия является лишь одним из отрядов международного рабочего класса. И с этой точки зрения мы самым решительным образом отметаем все попытки «великодержавной» политики, которой так увлекаются некоторые из заграничных товарищей. Какие бы широкие перспективы в будущем ни открывались пред нашей партией, какие бы заманчивые дали ни рисовались в воображении отдельных ее руководителей, — надо помнить постоянно о нашем — увы — скромном настоящем. Здесь не должно быть места никаким иллюзиям, самообольщениям, «нас возвышающим обманам.» С одной стороны, загнанная в подполье, израненная, жестоко преследуемая партия, а с другой, распыленные, **{71}** усталые, истекающие кровью народные массы — такова действительность. В этих условиях было бы непоправимой ошибкой отрывать партию от той единственно правильной работы собирания, накопления, воспитания народных масс в процессе напряженной политической борьбы против диктатуры большевистской власти, которой заняты в России все активные ее элементы.

«В этой борьбе у русских социалистических партий и русских трудящихся масс — один только союзник в Европе и Америке»; это международный рабочий класс. И в эту сторону должны быть направлены все усилия наших зарубежных товарищей. Все демарши перед европейскими правительствами и так называемыми «серьезными» кругами, предпринимаемые отдельными товарищами, опирающимися либо на свой личный авторитет, связанный с деятельностью в прошлом, либо на надежды, возлагаемые теми или иными западноевропейскими правительствами и кругами на партию социалистов-революционеров в связи с ее ролью в будущем, — не только не способны облегчить ту трудную задачу по борьбе с большевистской диктатурой, которую возложила история на плечи нашей партии, но, наоборот, лишь запутывают положение, затемняют нашу линию, отбрасывают от нас европейские социалистические партии и широкие народные массы и этим самым затрудняют и без того трудную борьбу с большевистской властью. Изоляция большевизма в международном рабочем движении, — вот первая и основная задача, стоящая перед зарубежными представителями партии. Тактика же некоторых из в а с приводит лишь к изоляции партии от международного рабочего движения. Если партии социалистов-революционеров волею трудящихся масс суждено будет снова стать во главе русской революции, — тогда она, в меру реальных сил, представляемой ею

государственной власти, сумеет установить с западноевропейскими правительствами отношения, соответствующие интересам государства и народа. Но такое предвосхищение грядущих событий, бесполезное для будущего, для настоящего только вредно, отвлекая внимание товарищей — повторяем — от единственной задачи, **{72}** стоящей перед ними, — установления тесной идейной и организационной связи между партией социалистов-революционеров и международным рабочим классом.

«Ту же подстановку партийной работы заграницей фиктивным государственным представительством должны мы отметить и в другом вопросе, продолжающем волновать умы действующих товарищей в России, в вопрос о так называемом Парижском Совещании. Партия в лице X Совета уже достаточно отчетливо высказала свою точку зрения на этот вопрос и в целом решительно и бесповоротно осудила все это начинание, как беспочвенную затею группы лиц, никем не управомоченных, никого не представляющих, ни на кого не опирающихся. Уже тот факт, что партия в этом вопросе со столь поразительным единодушием отвернулась от столь многих заслуженных своих вождей и не постеснялась дезавуировать их перед лицом социалистического европейского общественного мнения, — уже одно это должно было дать понять всем участникам этого злополучного совещания, на сколько их предприятие в корне противоречит всей политике партии и бьет по интересам русской революции. Не боязнь демагогической травли большевистской прессы, как по-видимому склонны думать вы, — а сознание опасности, которая грозит срывом основной линии, с таким трудом вырабатываемой сейчас партией, — вот та единственная причина, которая заставляет сейчас всех членов партии социалистов-революционеров, работающих в России, и ее руководящее органы с таким единодушием и настойчивостью требовать от зарубежных товарищей ликвидации всего парижского начинания. И если на одну чашку весов положить *мифические* политические выгоды, вытекающие из коалиции или блока с группой Милюкова, являющейся, по вашим же словам, «жалким осколком кадетской партии», никого не представляющей, а на другую *реальные опасности*, связанный для дела единства партии с дальнейшим упорствованием в курсе политики, намеченном некоторыми из зарубежных товарищей, нам думается, что выбор для каждого, дорожащего интересами партии, не труден. **{73}**

«Из очерченной выше концепции, вытекает для зарубежных представителей партии только одна позиция по отношению к западноевропейскому и американскому правительствам, — неустанная борьба со всякого рода интервенционистскими поползновениями в скрытой или явной форме.

«Высшей инстанцией в решении вопросов тактики являются потребности текущего момента. А если бы вы более внимательно отнеслись ко всем указаниям, исходящим от товарищей, работающих в России, то вы легко согласились бы с нами, что не коалиция или блок с «осколками партии»,

> представляющей в России в данный политически момент лишь ирреальные величины, а соглашение с социал-демократами меньшевиками с целью координации политической борьбы и установления единого развернутого демократически-социалистического фронта — вот, что стоит *реально* в порядке сегодняшнего дня. И, несмотря на ряд значительных расхождений в позиции нашей партии с партией с. - д. меньшевиков, объединенное наступление по отдельным вопросам двух делегаций перед лицом международного рабочего класса мы считали бы наиболее целесообразной защитой интересов русской революции на Западе. Подобное более тесное координирование с заграничной делегацией с. - д. меньшевиков приобретает тем большую реальность, чем быстрее происходит среди с. - д. меньшевиков процесс изживания под ударами «упрямых» фактов русской действительности и большевистской практики утопических представлений о социалистическом характере русской революции в *данной ее большевистской стадии* и мечтании о возможности мирного перерождения «кремлевской диктатуры» в «рабоче-крестьянскую демократию».
>
> «Таковы, по нашим убеждениям, задачи, стоящие сейчас перед зарубежными представителями партии. Мы считаем своим долгом высказать свое мнение со всей решительностью и резкостью, чтобы устранить почву для всякой неясности и недоговоренности. Мы никогда не считали возможным посягать на бесспорное признание в нашей партии права свободного высказывания своих воззрений. Партия с. - р. **{74}** никогда не страдала пороком догматизма и сектантской непримиримостью. Но никогда еще партия не нуждалась так в единстве действия, в сплоченности, сомкнутости рядов, как сейчас. Преодоление большевистской диктатуры, поставленное в порядок дня всем ходом событий русской революции и выдвинутое в качестве тактического задания X-м советом партии, требует от партии с.- р. огромного напряжения всех сил, выдержанности и методичности работы, ликвидации в ее рядах шатания и колебаний, прекращения междоусобной борьбы внутри ее. Таков единодушный голос всех товарищей с «передовых позиций» революции. Прислушайтесь к нему.»

Авторов этого письма большевики осмелились обвинять в интригах с Антантой, в подготовке интервенции, в поддержке блокады вокруг России! Этих людей они приговорили к смертной казни за те самые действия, которым подсудимые дали в цитируемом документе столь полную критику с точки зрения революционного социализма!

Впрочем, будем справедливы к большевикам! Не будем представлять московских судей глупее, наивнее, чем они суть на самом деле.

Не за гражданскую войну, покрытую амнистией, осудили они социалистов-революционеров, и не за террористические акты и грабежи, совершенные Семеновым и Коноплевой, и не за документы, выкраденные

в Париже монархистами. Нет! Они приговорили обвиняемых к смерти за то, что те, сидя на скамье подсудимых, оставались грозными обвинителями советского самодержавия.

Может быть, заявления обвиняемых, приведенные на предыдущих страницах, уже приоткрыли перед читателем души этих людей. Но я хотел бы представить здесь их образ полнее и ярче. И можно ли сделать это лучше, чем воспроизведя их письма, их слова, их речи?

Вот, что писали обвиняемые своим иностранным защитникам на другой день после описанной выше демонстрации у Виндавского вокзала:

{75} «Дорогие товарищи! С тяжелым чувством мы узнали, что кампания клеветы и заушений, поднятая против вас всей большевистской прессой, привела к тому, к чему она должна была неизбежно привести: к диким сценам, разыгравшимся около вокзала в момент вашего приезда в Москву. Раболепно приветствуя в свое время представителей германского империализма графа Мирбаха и Гельфериха в «красной» Москве и расценивая их приезд, как «победу революции», большевики ныне в прибытии представителей международного социализма усматривают оскорбление русского рабочего класса... Русский рабочий класс так же мало повинен в этих отвратительных эксцессах, как мало повинен и в той политике кровавого террора и насилия, которую ведет большевистское правительство, кощунственно прикрываясь именем рабочих и крестьян.

«Инсценировка «народного негодования» с помощью платных агентов чрезвычаек и комъячеек настолько очевидна, что она вряд ли кого способна ввести в заблуждение даже из лиц, мало знакомых со всеми методами и приемами большевистского властвования.

«Подобные факты, бессильные в какой бы то ни было мер оскорбить вас, старых испытанных вождей международного пролетариата, обрушиваются всей тяжестью позора лишь на подлинных организаторов — Центр. Ком. Росс. Ком. Партии, лишний раз свидетельствуя перед лицом всего мирового социализма, что нет тех бесчестных средств, перед которыми останавливались бы большевики в борьбе со своими противниками.

«Народное негодование», инсценируемое агентами чека, так же мало выражает подлинное настроение русских широких народных масс, как мало пышные военные парады, устраиваемые в честь третьего интернационала, свидетельствуют о приверженности русского пролетариата и крестьянства идеям большевистского коммунизма. К подобного рода «народным» движениям мы уже привыкли со времен самодержавия, когда царская полиция с таким же успехом, как нынешняя большевистская чрезвычайка, инсценировала верноподданнический восторг и негодование против социалистов.

{76} «Но в большевистских эксцессах, связанных с вашим приездом, было нечто такое, что заставляет нас, слишком хорошо знакомых с практикой большевистской власти, поднять свой предостерегающий голос. К обычным приемам коммунистической партии — клевете, лжи, инсинуациям — прибавились и откровенные призывы к самосуду уличной толпы. Иначе мы не можем расценивать резолюции, принимаемые комъячейками, якобы от имени рабочих отдельных фабрик и заводов, с требованием беспощадной расправы над членами партии социалистов-революционеров, привлеченными к суду, и их

защитниками — представителями второго и венского интернационалов, и циничные кровожадные песенки, специально изготовленные казенными поэтами к вашему приезду. У нас нет уверенности, что к моменту суда эти сцены в увеличенном масштабе вновь не будут иметь места.

Мы, пленники большевистской власти, давно уже свыклись с мыслью о возможности расправы над нами, в виде инсценированного чекой самосуда. Но мы чувствуем себя не в правоте подвергать той же опасности и вас, вождей международного пролетариата. И если власть не откажется немедленно от травли против вас, грозящей вылиться в форму самосуда, и не прекратит инсценировки уличных сцен, мнимого «народного негодования», — мы готовы скорее лишиться вас, как защитников в предстоящем процессе, нежели подвергать международный социалистический пролетариат опасности гибели, в настоящий напряженный момент борьбы мирового капитала с социализмом, его наиболее выдающихся вождей.

«Заключенные в Лефортовской тюрьме члены К. и члены партии С.-Р.:

А. Гоц, М. Гендельман, С. Марков, Е. Ратнер, М. Веденяпин, П. Злобин, Л. Герштейн, В. Утгоф, Д. Донской, Е. Горьков, Добролюбов, Ф. Федорович, Е. Тимофеев, Д. Раков, Н. Иванов, Е. Иванова, А. Либеров, М. Лихач, Н. Артемьев, В. Агапов, А. Альтовский, Б. Иванов.»

{77} Поведение обвиняемых на суде было проникнуто теми же чувствами, которыми дышит это благородное и смелое письмо.

С первого же момента появления этих людей на «суде», все почувствовали, что это пришли не подсудимые, а неумолимые обвинители. Громовыми волнами прокатились первые же слова оглашенной Гендельманом декларации:

— Мы не признаем вашего суда, не признаем не только в силу вопиющих нарушений ваших же законов, но главным образом потому, что здесь будет политический бой между партией социалистов-революционеров и партией большевиков, а судьи этого боя не третья, не нейтральная сторона, не беспартийные или члены других партий, свободно избранные народом, а члены той же партии большевиков, назначенные их Центральным Комитетом и явившиеся на суд с заготовленным Ц. К. РКП приговором.

— В вашем обвинительном акте имеются не только неточности, с которыми и вы соглашаетесь, но и прямые подлоги, — бросает далее в лицо Трибуналу тот же Гендельман.

— Не за головами ли подсудимых приехала издалека Клара Цеткин ? — спрашивает Евгений Тимофеев.

— Где ваши клятвы, данные на берлинском совещании интернационалов о свободе суда и защиты — спрашивают подсудимые, — когда 11 свидетелей защиты вы не приводите в суд и держите под стражей?

— Мы пришли сюда только потому, что вы перед лицом международного пролетариата обещались в Берлине и уверяли в вашей

прессе, что суд будет свободный, гласный и доступный для всех. Но ваша каучуковая честь и темная совесть не помешали вам нагнать в этот зал злопыхательствующих и жаждущих крови коммунистов — бросает в лицо Трибуналу Лихач.

— Вы отказываете нам в вызове наших свидетелей, потому что боитесь их, а мы — заявляет Тимофеев — просим ваших свидетелей, ждем всех их сюда.

Каким гордым презрением к смерти проникнуты обращенный к судьям слова Гендельмана:

{78} — С того момента, как мы попали в ваши руки, мы были уверены в том, что вы нам вынесете смертный приговор. Но с этих скамей вы просьбы о помиловании не услышите !

Вотерс так обрисовал в брюссельском «Пепль» подсудимых на московском процесс:

> «Они сидят сзади нас. Они торжествуют. Их деятельность обсуждают публично! И они с гордостью принимают на себя ответственность за всё содеянное ими.
> «Первым выступает Гендельман. Он начинает с резкого нападения:
> « — Мы не признаем вашего трибунала. Он получил приказ нас осудить. Он получил свои полномочия от правительства, подобного правительству 18 брюмера, которое состояло из осужденных преступников, бродяг, сутенеров, проституток и продажных журналистов.
> «Выступает Тимофеев:
> « — Мы пришли сюда не для того, чтобы спасать свои головы — они принадлежат революции!
> — «И дальше: — Отказаться от священного права на восстание — никогда! Это священное наследие французской революции и неписаный закон каждой социалистической партии.
> «Лихач, так хорошо владеющий собой, выжидающий, когда толпа перестанет неистовствовать против них, обдающий ее презрительным взглядом; Гоц, приветствуемый оскорблениями, этот вождь с его ясной головой; рабочий Берг, который на вопрос: «признаете ли вы себя виновным?» — отвечает: «да, я признаю себя виновным перед революцией в том, что слишком мало сделал для того, чтобы уничтожить вашу зловредную диктатуру.»
> «Их нужно цитировать всех, потому что они все равны между собою по мужеству и смелости...
> «Среда, 14-го июня. Обвиняемые просили нас сложить с себя их защиту. Мучительная минута. Мы расстаемся с ними, мы обнимаем их, эти двадцать две головы, над которыми продолжает висеть мрачная угроза.
>
> **{79}** «Раздаются звуки «Интернационала» — меланхолические, раздирающие душу .. . Мы уходим потрясенные . . .»

Деспоты рубят негнущаяся перед ними головы. При Николае Романове эти люди томились в каторжных тюрьмах, при Ленине они приговорены к смертной казни.

8. Приговор.

После допроса свидетелей говорили обвинители. Из них один лишь Садуль попытался отграничить свою роль от роли чекистского палача: он обвинял партию социалистов-революционеров, но не требовал казни подсудимых.

Остальные — от Луначарского до Клары Цеткин — если не вызывались сами расправиться с подсудимыми, то проявили готовность намыливать веревку перед их казнью. Наиболее кровожадную речь произнес Крыленко. Затем слово было предоставлено подсудимым. Тимофеев закончил свою речь словами:

— У нас с вами нет общих путей. Мы остаемся теми, кем были.

Гоц подтвердил:

— Мы были и останемся навсегда социалистами.

И со своим обычным спокойным мужеством он прибавил:

— За эти годы я не мог дать отчета моей партии о своей работе, пусть же мой отчет с высоты этой трибуны — скамьи подсудимых — послужит завещанием для оставшихся членов партии. Если нас ожидает смерть, мы ее примем без страха, если же мы останемся в живых, то мы после нашего освобождения будем вести с вами борьбу так же, как вели до сих пор.

Снова получил слово обвинитель. В своей речи он коснулся меры наказания и сказал, что с точки зрения пользы или опасности, которую могут принести обвиняемые, этот вопрос решен заявлениями Гоца, Гендельмана и Тимофеева, сказавших, что пока они живы, они будут действовать, как они действовали до сих пор, и что от них нельзя ожидать ни отказа от их тактики, ни просьбы о помиловании. «Что можно сделать после таких **{80}** заявлений? Что мы видим, обращаясь к прошлому? В Петрограде юнкерское восстание и кровь, в Москве октябрьское восстание и кровь, в Архангельске кровь, в Самаре и Сибири кровь, в Тамбове и недавно в Кронштадте опять кровь. Поэтому я совершенно спокойно заявляю: «Кровь должна быть пролита здесь, чтобы в будущем не проливалось крови, или, по крайней мере, проливалось ее меньше.»

Не иначе говорили версальцы, расстреливая коммунаров, не иначе мотивировали казни Деникин и Хорти...

Но мы знаем уже, что большевикам мало физического убийства, что они стремятся к «моральному уничтожению» противников. С этой целью после повторных призывов обвинителя к расстрелу подсудимых, обвиняемым было предложено заявить о раскаянии и об отречении от партии. Перед подсудимыми приоткрылась дверь к жизни, к свободе. Никто из них не вошел в эту дверь.

Отвечал судьям Тимофеев.

— Государственные обвинители Луначарский и Крыленко, поддерживая против нас обвинение по всем пунктам и будучи сами не вполне уверены в нашей виновности, сочли необходимым в облегчение своей задачи предложить нам покаяться и отречься от прошлой деятельности. В ответ на это предложение я уполномочен от имени всех подсудимых первой группы категорически заявить Трибуналу и государственным обвинителям:

ни о раскаянии, ни о каком либо отречении речи быть не может, и вы никогда с наших скамей ничего подобного не услышите. Как мы стояли раньше, так и в дальнейшем мы будем всегда стоять на своих прежних позициях, и в этом отношении мы всегда останемся для вас нераскаянными рецидивистами.

Не довольствуясь этим заявлением, Трибунал, удаляясь на совещание для вынесения приговора, вторично обратился к подсудимым первой группы с вопросом: «каково было бы их отношение к советской власти, если бы вынесенным приговором они получили свободу?»

На это последовал ответ Тимофеева:

{81} — Мы остаемся при неизменном решении, каковое вам известно из первоначальных допросов каждого из нас на прошлых заседаниях.

7-го августа Трибунал вынес свой приговор:

а) Двенадцать человек — Гоца, Донского, Герштейна, Гендельмана, Лихача, Николая Иванова, Елену Иванову, Евгению Ратнер, Тимофеева, Морозова, Агапова, Альтовского — *расстрелять*.

б) Десять человек: Злобина, Утгофа, Берга, Львова, Либерова, Артемьева, Ракова, Федоровича, Веденяпина, Горькова — *заключить в тюрьму* на сроки от 2 до 10 лет.

в) Предателей *освободить*.

Этот приговор поступил на рассмотрение происходившей в то время в Москве конференции большевистской партии. Здесь члены советского правительства, за исключением Троцкого, часть президиума ВЦИК-а, члены конференции, прибывшие из провинции, и начальники советских заграничных миссий высказались за замену приговора изгнанием осужденных навсегда из пределов РСФСР.

Группа Троцкого, Сталина и Бухарина, возражая против этой меры, предложила потребовать от всех осужденных первой группы дать в 24-х часовой срок обязательство отказаться навсегда от всяких выступлений против советской власти, порвать сношения с партией и ее членами, и если такое обязательство будет ими дано, заменить расстрел — пятилетней ссылкой в Северные губернии на принудительные работы, а тюремное заключение — принудительными работами в концентрационных лагерях сроком на один год. В случае же отказа осужденных дать такое обязательство — приговор привести немедленно в исполнение.

После бурных прений заседание приняло компромиссное предложение Каменева: считать вынесенный приговор *условным* и не

приводить его в исполнение, если члены партии с. - р. откажутся от фактических выступлений в России и заграницей против советской республики.

В таком виде приговор был утвержден и опубликован Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом — в формулировке, которая ясно показывает, как далеки большевики от мысли выпустить из своих рук добычу:

> **{82}** «Относительно двенадцати обвиняемых приговоренных к высшей мере наказания ВЦИК постановил: приговор утвердить, а исполнение его приостановить.
>
> «Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против советской республики, приговор в исполнение приведен не будет».
>
> «Если же партия социалистов-революционеров в дальнейшем будет применять методы вооруженной борьбы против советской власти, то это неизбежно приведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.»

Большевики квалифицируют свой приговор, как применение принципа *условного осуждения*. Невежество это или лицемерие?

Если партия прекратит подпольно-заговорщическую работу…

Но кто будет решать, носит ли работа партии социалистов-революционеров подпольно-заговорщический характер, или нет? Чека? И если в рядах чекистов возникнут разноглася по вопросу о характере работы эсэровской партии, то к каким экспертам обратятся кремлевские комиссары для разрешения этого спора? К Семенову, Коноплевой и другим предателям! И разве не ясно заранее, что в *каждом* выступлении партии, лишенной возможности действовать открыто, легально, *можно* найти признаки подпольно-заговорщической работы?

Если партия откажется от террористической борьбы против советской власти …

Но и подсудимые, и центральный учреждения партии социалистов-революционеров уже неоднократно заявляли о том, что партия в борьбе с советской властью никогда не прибегала к террору. И несмотря на это руководители партии приговорены к смертной казни, на основании оговоров проникших в ее среду авантюристов-предателей. Что же стоит Чека выдвинуть на сцену нового иуду, который по приказу начальства покажет, что такой то эсэр подговаривал его взорвать на воздух всю Москву ?

{83} *Если партия откажется от военно-шпионской деятельности…*

В чем проявлялась до сих пор подобная деятельность партии социалистов-революционеров? На этот вопрос московские судьи не дадут ответа. Но мы помним, как у большевиков чуть-чуть не попал в польские шпионы благонамереннейший французский коммунист Лафон. Мы помним, как большевики расстреляли русского ученого Ухтомского, подведя под понятие шпионажа его корреспонденции о состоянии музейного дела в России. Что же помешает им объявить шпионажем любую эсэровскую газету, выходящую в России или заграницей и

освещающую положение советской России иначе, чем казенные «Известия» и «Правды»?

Повстанческая работа…

Но мы знаем, что большевики возлагают на эсэров и меньшевиков ответственность за выступления контрреволюционных генералов, за местные восстания, за действия бандитских отрядов. И при первом же военном восстании, при первой вспышке крестьянских или рабочих волнений, при первом выступлении Врангеля, Петлюры или Савинкова, московские самодержавцы могут заявить:

— Итак, повстанческая деятельность партии социалистов-революционеров не прекратилась — к стенке осужденных социалистов, к стенке Гоца, Тимофеева, Гендельмана, Донского и их товарищей!

Короче: *по точному смыслу* московского приговора, двенадцать смертников могут быть казнены в любой день, в любой час.

Недаром московская «Правда» (в № 178) пишет:

«Первый подожженный завод, первое убийство из за угла, — и эсэры будут наказаны по закону.»

«Наказаны по закону» — это значить, убиты. И для этого не требуется даже, чтобы поджигателями или убийцами были социалисты-революционеры, — достаточно факта поджога или убийства.

И вот сейчас я пишу о них, вижу перед собой Гоца, этого стойкого революционера, которому страх столь же неведом, как тщеславие, вижу его милое, ласково улыбающееся, умное лицо, припоминаю его **{84}** спокойную, всегда уверенную, всегда целомудренно простую речь, — и не знаю, не прикончат ли его в ближайшие дни московские палачи.

Вспоминаю Тимофеева, его гордую голову, к 30 годам уже белую как снег, его полные огня, мысли и воли глаза, его быстрые движения, вспоминаю его таким, каким был он на каторге в годы реакции, и не знаю, что с ним теперь. . .

Мы, русские революционеры, помним смертницкие секретки царизма. Никогда ничто не сотрет из нашей памяти то, что переживалось в камерах приговоренных к казни. Но даже в худшие времена черного террора при самодержавии не был возможен приговор, хоть сколько-нибудь приближающейся к приговору московского трибунала.

Передовая в № 102 «Голоса России» дает верную оценку этому приговору, когда пишет:

> «Он хуже и бесстыднее голого убийства.» Жажда крови и гнусный политический шантаж соединились в нем с утонченнейшей *пыткой смертью*.
>
> «Что означает условность приговора? «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет оставляет себе право привести в исполнение приговор, когда ему вздумается. Осужденные подвергнуты постоянной пытке смертного ожидания. Они пожизненные заложники. Они отвечают своими головами за каждую новую клевету на партию с. - р., за каждое выступление своих товарищей, находящихся на свободе.
>
> «Большевикам мало простого расстрела. Они — точно торговцы живой человеческой кровью — устраивают

небывалую в истории политическую спекуляцию головами своих жертв. Они хотят вечной угрозой казнью Гоца, Тимофеева, Донского и других приговоренных — связать, привести к бездействие всю партию с. - р.

«Они надеются обмануть возмущенное чувство рабочих всех стран, протестовавших против смертной казни; они не расстреливают сейчас подсудимых, но они могут расстрелять их каждую минуту. Когда движение протеста затихнет, когда **{85}** внимание социалистической Европы будет чем либо отвлечено — тогда, втихомолку, в каком-нибудь из чекистских застенков или каторжных централов, большевики прикончат этих «вечных смертников», прикончат поодиночке или всех вместе.

«Самая изощренная фантазия может ли вообразить себе более острое надругательство, боле утонченное мучительство?

«Наши товарищи приговорены к ужасающей, мучительной, каждодневной казни.»

Эта казнь началась сразу вслед за вынесением приговора.

Осужденные переведены в ужасные «секретки» внутренней тюрьмы при Чека. Строжайшим образом изолированные от внешнего мира, они похоронены заживо. Ни свиданий с родными, ни писем, ни газет, ни передач, ни книг, ни письменных принадлежностей. Близкие не знают, что с ними.

Ходят слухи об объявленной осужденными голодовке. Ходят слухи о новом изобретении большевистских палачей: будто осужденным умышленно не сообщено о приостановке исполнения смертного приговора, будто тюремщики держат их в ежечасном ожидании казни.

Эта бесчеловечная игра усугубляется прямым издевательством советских властей над родными и близкими осужденных. Так, сразу после суда, еще до объявления приговора в окончательной форме, были арестованы и в неизвестном направлении отправлены из Москвы жены подсудимых Лихача, Герштейна, Либерова и других.

Вот *этот* приговор, эти мероприятия восхваляет Исполнительный Комитет Коминтерна в своем воззвании, обращенном к рабочим всех стран, В *этом* приговоре он видит доказательство того, что «революционное рабочее правительство не знает политики мести и руководится исключительно соображениями революционной целесообразности».

Если имеются в Коминтерне отдельные порядочные, искрение люди, лишь по ошибке попавшие сюда, привлеченные не звоном московского золота, а блуждающими огнями демагогии, которые они приняли за маяк революции; если имеются здесь, в толпе **{86}** угодливой московской челяди, люди, в душах которых горит огонь революционного идеализма, люди, которым дороги лучшие стремления пролетариата и ненавистно варварство старого мира; если еще не настолько одурачены они большевиками, чтобы утратить навсегда способность соображать и судить о том, что они делают — то они сгорят от стыда, когда поймут, какую невыразимую низость совершили они, приложив свою руку к этой бумажке, подписав ее в то самое время, когда двенадцать смертников с гордо поднятыми головами возвращались в тюрьму, а во след им смотрели затуманенные слезами глаза их близких, — их жен, матерей, —

уже при царизме изведавших пытку ожидания казни любимых людей.

9. Московский процесс и Европа.

Уже при первом сообщении о подготовке суда над социалистами-революционерами мировая совесть почувствовала, что в Москве готовится не суд, а кровавая расправа.

Это впечатление усиливалось по мере того, как приближался день суда и все громче становились злобные завывания большевистской и оплачиваемой большевиками печати.

И когда взвился занавес и на подмостках московского трибунала показались с одной стороны узники-подсудимые, а с другой стороны их судьи и палачи, сдержанное до этой поры возмущение вырвалось наружу, и по Европе прокатилась волна единодушного протеста.

Затем — клятвопреступнический отказ от берлинского соглашения, уход иностранных защитников, «манифестация» 20-го июня, уход русских защитников, длинный ряд издевательств над всеми принципами судебной справедливости.

И, наконец, приговор и кампания политического шантажа, поднятая Коминтерном вокруг двенадцати смертников.

Совесть культурного мира и, в частности, совесть пролетариата не могла примириться с подобным надругательством, — как 20 лет тому назад не могла она примириться с осуждением Дрейфуса во Франции, **{87}** как 10 лет тому назад протестовала она против суда над Бейлисом в царской России.

Оба эти дела приходят на память, когда думаешь о московском процессе. Но между этими, уже вошедшими в историю делами, и московским судом остается огромная разница.

Дело Дрейфуса было соткано из лжи. Но как низко ни стоял суд, отправивший заведомо невинного человека на Чортов Остров, рядом с московским трибуналом он показался бы все же *судом*.

Дело Бейлиса по своей природе ближе к московскому процессу, Тогда — это было незадолго до войны, в разгар беспросветной реакции в России — русское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы натравить темный народ на евреев. С этой целью, при помощи лжесвидетелей, был инсценирован процесс, который должен был доказать, что евреи для своих обрядов употребляют христианскую кровь. За основу процесса было принято убийство под Киевом мальчика Ющинского: на суде было установлено, что он был убит шайкой воров с некоей Верой Чеберяк во главе; но эта шайка купила себе прощение и милость правительства тем, что свалила убийство на евреев. Вера Чеберяк была, таким образом, в деле Бейлиса Коноплевой. Был в этом деле и свой Семенов. Эту роль играл ренегат-ксендз Пранайтис, взявшийся доказать по еврейским книгам, что евреи ловят христианских младенцев, убивают их и употребляют их кровь.

Судьи превосходно знали, что представляют собой Чеберяк и Пранайтис, но делали вид, будто верят им. Правые газеты прославляли бескорыстие и правдивость этих свидетелей.

Одновременно шла инсценировка народного гнева.

Отделы Союза Русского Народа (игравшие в России времен Николая II роль нынешних комъячеек) выносили резолюции с

требованием беспощадной кары обвиняемым. Устраивались уличные демонстрации под лозунгом истребления убийц христианских младенцев. Раздавались угрозы самосудом и еврейскими погромами, в случае, если судьи проявят «преступную мягкость».

Правительство, поддерживавшее всю эту кампанию и втайне руководившее ею, делало вид, будто **{88}** прислушивается к голосу общественного мнения. В то же время оно закрывало газеты, писавшие правду об этом процессе.

В конце концов, суд вынес приговор, заявлявший, что убийство мальчика Ющинского с ритуальной целью *доказано*. Но в царской России, где были уже свои Коноплевы и Семеновы, не нашлось судей, равных по низости Пятакову, Бухарину или Крыленко: Бейлис, как и другие обвиняемые, был оправдан.

Как видит читатель, московский Верховный Трибунал во многом просто *повторили* дело Бейлиса, лишь расширив его рамки, заменив обвинение евреев в употреблении христианской крови обвинением социалистов в грабежах, убийствах и шпионаже, да еще приделав к процессу трагическую развязку в вид известного приговора.

Что же удивительного в том, что общественное мнение, в свое время возмущавшееся делом Бейлиса, с двойной энергией восстало против московского суда над социалистами- революционерами ?

Можно было бы наполнить десятки и сотни страниц резолюциями, телеграммами, всевозможными выражениями протеста против этого суда, гнусность которого была разоблачена перед Европой заграничными делегациями партии С. - Р. и Р. С. Д. Р. П. и вернувшимися из Москвы представителями Интернационала.

Во главе движения шли *социалистические* партии. *Второй Интернационал и Венское Объединение* в числе первых бросили миру призывный клич — энергичным протестом вырвать жертвы из рук московских палачей. К их голосу присоединились: французские социалисты (S. F. I. O и P. S. F), Германская социал-демократическая партия, германские независимые социалисты, Британская Рабочая Партия (L. P.), Английская независимая социалистическая партия (I. L. P.), Британская социал-демократическая федерация, Бельгийская социалистическая рабочая партия, социалистическая и социал-демократическая партии Чехо-Словакии, социалистическая партия Италии, социал-демократические партии Швеции и Голландии, социалистические партии Болгарии, Польши, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Бунд и партия социалистов-сионистов, объединенные социалистические партии Индии.

{89} Восстали против московской комедии суда также и *синдикальные* организации пролетариата всего мира с *Амстердамским Интернационалом* во главе. Протестовали: Всеобщая Конфедерация Труда Франции (C. G. T.), конгресс профессиональных союзов в Германии, Всеобщее Германское объединение профессиональных союзов, Национальный Комитет бельгийских рабочих синдикатов, Генеральная Конфедерация Труда Италии. Протестовали и в отдельности крупнейшие рабочие синдикаты Европы, и рабочие митинги, собиравшиеся во всех концах мира.

Особенно широко разлилось движение во Франции. В этой стране, где большая часть рабочего класса до сих пор хранит заветы Великой

Революции, пролетариат боролся за жизнь и свободу русских социалистов-революционеров с тем же чувством, с каким 20 лет тому назад, под руководством Жореса, боролся он за торжество правды в деле Дрейфуса.

Вот опубликованный в № 1023 «Голоса России» список французских рабочих организации, которые выступили с протестами против московского суда за первые три недели процесса:

1) Федерации синдикатов. Федерация кожевников, Федерация транспортных рабочих, Федерация шляпочников, Фед. рабочих химической промышленности, Фед. синдикатов банковских служащих, Фед. портовых и доковых рабочих, Фед. строительных рабочих, Федерация рабочих, работающих под землей, Фед. моряков, Фед. санитаров, Фед. рабочих, занятых в государственном флоте, Фед. текстильщиков (80.000 чел. синдицированных), Фед. рабочих, изготовляющих одежду, Фед. рабочих, занятых на общественных службах, Федерация земледельцев, Фед. парикмахеров, Фед. гражданского персонала военного министерства.

2) Департаментские союзы и Биржи труда. Союз металлургических рабочих Сены, Союз федеральных синдикатов Сены, Союз синдикалистов Илль и Вилэн, Союз Бирж труда Роны, Союз синдикатов Дромы, Союз синдикатов в Эпернэй, Союз синдикатов на Севере, Союз синдикатов Коррезы, Северный Союз, Союз синдикатов Сены и Уазы, Союз синдикатов Об и Ионн, Союз синдикатов Жиронды, Союз синдикатов Финистер, Союз синдикатов Соммы, Союз **{90}** синдикатов Бельфора, Союз синдикатов Кальвадоса, Союз бирж труда в Рубэ, Туркоин и Ланнуа.

3) Рабочие синдикаты. Синдикальная палата служащих Сенской области, Синдикат рабочих химической промышленности, Синдикат горно-рабочих Севера, Синдикат служащих парижских колониальных магазинов, Синдикат горнорабочих Гард и Арденн, Синдикат шляпочников в Сефонд, Главный синдикат служащих почты и телеграфа, Синдикат горнорабочих в Па-де Калэ, Синдикат служащих госпиталей и больниц, Синдикат рабочих газовой промышленности в Либурне, Синдикат работающих под землей во Флэ, Синдикат работающих по изготовлению одежды в Сенском департаменте, Синдикат портних и портных Сены, Синд. железнодорожников линии Париж - Север, Синдикат горнорабочих бассейна Анзен, Синдикат металлургистов в Коментри, Синдикат железнодорожников линии Париж — Орлеан, Синдикат кровельщиков в Трелаз, Синдикат металлургистов Лиля, Главный синдикат муниципальных служащих в Виллербан.

4) Политические организации. Социалистическая группа в Пантэн, Секция в Авэнь, 14-ая секция Сенского департамента, 5-ая секция Сенского департамента, Молодежь Юры, Федерация Нижней Сены, Социалистическая федерация Юры, Социалистическая федерация в Бувэ, 20-ая секция Сенского департамента, 18-ая секция Сенского департамента, Социалистическая федерация Роны, Социалистическая федерация Верхней Саоны.

Пусть Троцкий утешает своих приближенных уверениями, что это — западноевропейская буржуазия заступается за социалистов-революционеров, как за своих союзников в борьбе против советской власти! Единодушный крик негодования, рвущийся из груди миллионов

рабочих, нельзя заглушить подобной мелочной и неумной ложью.

К протестам пролетариата против московского процесса присоединили свой голос также лучшие представители науки, литературы, искусства всего мира. Под обращенным к московскому правительству призывом «отказаться во имя человечности и всеобщего примирения от того, что будет воспринято всем цивилизованным человечеством, как акт мести» подписались:

А. Олар, профессор Сорбонны; Поль Пенлевэ, член Института; **{91}** А. Мельэ, профессор Коллеж де Франс, корреспондент Петербургской Академии Наук; Габриэль Сеайль, профессор Сорбонны; Эмиль Борель из Академии Наук; Р. Шнейдер, профессор Сорбонны; Аллеман, бывший депутат Сены; Ксавье Леон; Анри Озер, профессор Сорбонны; Шарль Жид; Эмель Терквам, инженер; Ж. Адамар, член Института; Анри Леви-Брюль, профессор права в Лилле; П. Альфандери, профессор Высшей школы; Жанна П. Альфандери; Л. Леви-Брюлль, проф. Сорбонны; Доктор Марсель Леви-Брюлль; Л. Брунвиг, профессор Сорбонны; Ж. Бруншвиг; Виктор Баш, профессор Сорбонны; Ш. Сеньобос, профессор Сорбонны и многие другие.

Английский писатель Г. Уэлльс также подписал этот протест.

В Германии с протестами выступили: Проф. Эйнштейн; Г. фон Герлах; Гарри граф Кесслер; Эрнст Федер; д-р Фортман, главный редактор «Парламентскорреспонденц» центра; д-р Рудольф Гильфердинг, член рейхстага; д-р Пауль Натан; проф. Гуго Прейс, бывший министр, член Ландтага; Фридрих Штампфер, гл. редактор «Форвертса»; Карл Феттер, редактор «Берлинер Фольксцейтунг»; д-р Б. Гутман, редактор «Франкфуртер Цейтунг» ; Габриеле Рейтер, Бернгард Келлерман, Феликс Либерман, проф. Алоиз Риль, д-р Рудольф Брейтшейд, Г. Зудерман, Г. Штребель, И. Сассенбах, и др.

Но наиболее красноречивым показателем того, как глубоко взволновал московский процесс совесть всего человечества, является публичное выступление против него целого ряда общественных деятелей, которых Европа знает, как пламенных поклонников и защитников советской власти.

На первом месте я хочу поставить Максима Горького, который нашел на этот раз слова, достойные его большого таланта и его большого сердца: он первый из защитников советской власти крикнул большевикам, что своими действиями они провоцируют *моральную блокаду* России социалистами всего мира.

К протесту Горького присоединились во Франции Анатоль Франс, Анри Барбюс и Ромэн Роллан, — три ярких имени, которыми французский коммунизм старался все эти годы прикрыть свое ничтожество и идейное **{92}** бессилие. Протестовала, вместе со всем социалистическим пролетариатом, и большевиствующая синдикальная организация Франции (C.G.T.U).

В Италии выступил против московского преступления старый анархист Малатеста. Громко прозвучал здесь и голос Туринского конгресса рабочих профессиональных союзов, конгресса, где, казалось бы, было обеспечено преобладание друзьям московских диктаторов.

В Англии решительно отмежевались от палачей такие проповедники большевизма, как Тернер и редактор «Дейли Геральд»

Ленсберри.

Но нет возможности перечислить всех ... Волна протестов растет и ширится, каждый день приносит большевистской власти новые доказательства того, что даже самодержавцам *не все дозволено*.

Политическое значение этой волны протестов далеко не исчерпывается непосредственным влиянием ее на решения и действия московского правительства. Значение ее неизмеримо глубже и шире, — в ходе ее пролетариат Европы освобождается от остатков иллюзий относительно русского большевизма, научается понимать его истинную сущность.

Так, полтора года тому назад, предательское нападение большевистских армий на демократическую Грузию и порабощение этой маленькой свободолюбивой страны «красными» штыками открыло европейским рабочим глаза на внешнюю политику Коминтерна, вскрыло империалистические вожделения царизма, лежащие в основе интриг кремлевских комиссаров с реакционными силами Востока. Этим была убита легенда о миротворческой международной миссии большевизма, о роли Москвы, как защитницы угнетенных народностей. Осталась другая легенда, — легенда о том, что свирепствующий в советской России террор является самообороной рабоче-крестьянской власти против происков контрреволюционеров. И вот теперь московский процесс показал Европе, против кого в действительности направлено оружие большевистского террора.

Завоевание Грузии разоблачило *империалистическую внешнюю политику* большевизма, — суд над социалистами-революционерами вскрыл гнойник его *террористической внутренней политики*.

{94} Недаром оба вопроса были поставлены рядом на берлинской конференции трех интернационалов, недаром II Интернационал ввел оба вопроса в свой ультиматум, предъявленный Коминтерну ...

Двенадцать смертников, отдавшие всю свою жизнь освобождению трудящихся масс России и международному социализму, оставались на скамье подсудимых верны своему двойному призванию; разоблачая диктаторов России, они бились за освобождение русских крестьян и рабочих — от цепей рабства, за освобождение рабочих всего мира — от последних иллюзий. Бились с беззаветной храбростью, не думая о спасении своей жизни.

Теперь за их жизнь, за их головы идет борьба: за них — совесть человечества, общественное мнение мирового пролетариата, против них — Чека.

Кто победит?

Нужно ли говорить о неисчислимых последствиях того или другого исхода этого спора? Победа Чека и примирение с нею совести человечества не только означали бы смерть двенадцати стойких борцов за социализм, не только явились бы сигналом к новому небывалому разгулу террора в России и в завоеванных большевиками странах, но привели бы к новому усилению волны одичания во всем мире. Победа человеческой совести в этом вопросе, напротив, явилась бы, быть может, прологом к ее торжеству на более широком мировом фронте.

Моральная блокада тюремщиков и палачей социализма — вот оружие всемирного пролетариата в разгоревшейся борьбе.

Пользуясь этим оружием, идя твердо и последовательно по пути *социалистической моральной интервенции*, всемирный пролетариат добьется того, что намыленная веревка спадет с шеи двенадцати смертников, и будет положен конец красному террору в России.

Вл. Войтинский.

{97}

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тактические позиции партии социалистов-революционеров по документами

Хотя формально партия социалистов-революционеров образовалась только в 1901 году, а первый съезд ее мог собраться лишь во время революции 1905 года (29 декабря 1905 г. — 4 января 1906 г.), она является старейшей русской социалистической партией.

В 1901 году объединились между собой и образовали единую партию различные социально-революционные группы в России и среди заграничной политической эмиграции. Но эти группы лишь продолжали традицию разбитой правительственными репрессиями в 1881-85 гг. «социально-революционной партии Народной Воли».

Наиболее видные деятели этой партии были казнены или осуждены на пожизненное заточение в Шлиссельбургской крепости, другие сосланы на Сибирскую каторгу, третьи скрылись заграницу.

Лишь лет через десять после этого поражения начали вновь возникать в России социально-революционные группы, которые постепенно разрастались, параллельно с оживлением рабочего и политического движения в России к началу нового столетия.

В возрождении социально - революционной партии приняли деятельное участие вернувшиеся из ссылки или находившиеся заграницей члены разбитой партии «Народной Воли». Когда П. С. Р. была, наконец создана, они заняли в ней, наряду с новыми молодыми деятелями, руководящее место. Заграницей это были старые члены партии «Народной Воли» Феликс Волховской, Шишко, Егор Лазарев, а из более молодого поколения того времени — Михаил Гоц, Виктор Чернов.

В России — бежавшая из Сибири и ведшая необычайно **{98}** энергичную пропаганду среди крестьянства, рабочих и интеллигентной молодежи «бабушка» Екатерина Брешковская, Григорий Гершуни, Степан Слетов и др.

В промежутке между поражением партии «Народной Воли» и возникновением ее идейной и политической преемницы — партии с. р., в России образовались социал-демократические группы, которые тоже к концу девяностых годов слились и образовали Российскую социал-демократическую рабочую партию, которая, как известно, в 1903 году распалась на большевиков и меньшевиков.

Социал-демократы отличались от эсэров тем, что все внимание обращали исключительно на городских рабочих, главным образом, на промышленный пролетариат.

Они смотрели на мелкое трудовое крестьянство, как на класс, по своему социальному положению и интересам, близкий буржуазии, и поэтому долгое время не выставляли никакой аграрной программы, не вели в деревне пропаганды (за исключением сельскохозяйственных рабочих) и считали, что аграрная программа, которую эсэры предлагали

крестьянам, «реакционна», так как она задерживает развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Эсэры же, продолжая в этом вопросе политику социалистов 1878-1885 гг., полагали, что интересы громадной массы малоземельного трудового крестьянства, эксплуатируемого помещиками, капиталистами и государством, могут быть согласованы с интересами городских рабочих. Они видели в крестьянстве ту основную революционную силу, без которой невозможно было свергнуть самодержавное правительство. Но вместе с тем социалисты-революционеры всегда стремились объединить трудовое крестьянство и промышленный пролетариат в один мир труда, полагая, что осуществление социалистических задач лежат в интересах всего трудового народа России. Объединение крестьянства, пролетариата и трудовой интеллигенции всегда составляло основу социально-революционного миросозерцания.

Партия с. р. выдвинула аграрную программу, требовавшую социализации всей частной земельной собственности.

{99} Программа эта скоро создала партии большую популярность среди масс крестьянства.

Во время революции 1905 года партия с. р. вела успешную агитацию в деревне, во время выборов в первую Государственную Думу (1906 г.) многочисленные сельские общества выносили резолюции в духе ее программы и посылали в Петербург в этом смысле наказы своим избранникам. Партия с. р. не выставила своих кандидатов на этих выборах (она бойкотировала выборы, находя избирательный закон слишком недемократичным и самое Государственную Думу слишком несовершенным учреждением); но в Государственную Думу прошло большое количество крестьянских депутатов-трудовиков, которые приняли основы земельной программы партии с. р. и во всех политических вопросах согласовали свои действия с партией с. р., поддерживавшей с их фракцией живейшую связь.

На выборах во вторую Государственную Думу (1907 г.) партия с. р. выставила своих кандидатов. Было выбрано несколько десятков эсэровских депутатов, а аграрный законопроект партии с. р. собрал подписи 106 депутатов.

В третью и четвертую Госуд. Думу партия с. р. своих кандидатов не выставляла. Керенский, будучи эсэром, был выбран от крестьян-трудовиков и был, в качестве депутата от крестьян-трудовиков, председателем их фракции.

Аграрный законопроект был партией разработан заново в 1917 году и был внесен в Учредительное Собрание, которое заседало только один день — 5 января 1918 года — и было разогнано большевиками. Этот законопроект был составлен в согласии с Советом Крестьянских Депутатов, собравшихся в 1917 году, председателем которого был член партии Авксентьев, в период Временного Правительства; в громадном большинстве Совет Крестьянских Депутатов поддерживал партию с. р.

В Учредительном Собрании, как известно, партия с. р. получила абсолютное большинство. (На первом заседании Учр. Собрания было 244 депутата с. р. и 153 большевиков и так называемых «левых» с. р., вышедших из партии).

{100} Считаем нужным привести текст основных положений аграрного законопроекта, принятых Учредительным Собранием по предложению партии с. р.

«1. Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется.

«2. Все находящееся в пределах Российской республики земли со всеми их недрами, лесами и водами составляют народное достояние.

«3. Распоряжение всей землей с ее недрами, лесами и водами принадлежит республике в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления, на основаниях, установленных настоящим законом.

«4. Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской республики осуществляют свои земельные права на основаниях сего закона и в согласии с федеральной конституцией.

«5. Задачи государственной власти в области распоряжения землей, недрами, лесами и водами составляют:

а) создание условий, благоприятствующих для наилучшего использования естественных богатств страны и для наивысшего развития производительных сил;

б) справедливое распределение всех естественных благ среди населения.

«6. Права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляются только в форме использования.

«7. Пользователями этой земли, недрами, лесами и водами могут быть все граждане Российской республики, без различия национальностей и вероисповедания, и их союзы, а равно государственные и общественные учреждения.

«8. Земельные права пользователей приобретаются, осуществляются и прекращаются на началах, установленных настоящим основным законом.

«9. Принадлежащие ныне отдельным лицам, союзам и учреждениям земельные права, поскольку они противоречат настоящему закону, отменяются.

«10. Отчуждение в народное достояние земель, недр, лесов и вод, находящихся ныне у лиц, союзов и учреждений на праве собственности, или ином вещном праве, производится без выкупа».

Большевики из демагогических целей заимствовали у П. С. Р. некоторые положения этого закона, в **{101}** виду его громадной популярности, но не сумели ни приспособить его к реальным потребностям и условиям сельского хозяйства, ни провести его в жизнь — что требовало большой статистической и землеустроительной работы, при поддержке населения и с участием всех необходимых для этого интеллигентных сил. Все эти условия были уничтожены большевистской диктатурой и заменены анархическим призывом, обращенным в деревню: берите землю сами, где, как и сколько хотите!

Ленин и другие большевики сами впоследствии признавали, что они не верили в возможность разрешения аграрной проблемы в России при помощи закона, который они провели на съезде советов — демонстративное принятие этого закона продиктовано ими было исключительно тактическими соображениями: они хотели продемонстрировать перед российским крестьянством, что большевики

защищают крестьянские интересы; этим они стремились укрепить в крестьянских массах свою власть.

Что касается программных требований партии с. р. в сфере рабочего вопроса, то в этой области с. р. мало чем отличались от любой европейской социалистической партии. Конечная цель была — обобществление средств производства, ближайшие задачи — введение 8-часового рабочего дня, контроль производства и пр.

Кроме аграрной программы, другой особенностью партии с. р, были ее резко-революционные, наступательные и террористические методы борьбы с самодержавием.

Социально-революционные группы, возникшие в 1895-1899 гг., видели свое отличие от существовавших тогда социал-демократических групп в том, что эти последние на первый план выдвигали защиту **экономических** интересов рабочих и относились очень сдержанно к непосредственной политической борьбе, тогда как эсэровские группы призывали рабочих к революционной борьбе за политическую свободу и республику. Эти первые группы занялись агитацией и устройством политических уличных демонстраций, не останавливаясь перед неизбежным столкновением с полицией, имея в виду необходимость развития революционного движения в народ и полагая, что **{102}** смелая революционная инициатива может его стимулировать.

В дальнейшем, когда в 1901 году была основана партия с. р., она признала необходимость резкой политической борьбы, а в ответ на репрессии царского правительства решила отвечать прямым нападением на ответственных сановников и членов царствующего дома, иначе говоря, высказалась за применение террористической тактики.

Необходимо отметить, что террор партии с. р. не имел ничего общего с «красным террором большевиков». Партия с. р. считала возможным казнь таких врагов народа, как министр внутренних дел Сипягин и Плеве, или вел. кн. Сергей Александрович потому, что они были ответственны за политику подавления всякой свободы и самых элементарных гражданских прав, за беспримерное угнетение, голод и нищету трудящихся масс и свирепые расправы со всеми попытками освободиться от этого гнета или даже помочь народу понять и улучшить свое положение.

Лишь полное отсутствие возможности призвать к ответственности перед народом, парламентом или судом самодержавных повелителей России и беззащитность против их произвола всего населения и, в особенности, рабочего класса и социалистических партий, скрывавшихся, разумеется, «в подполье», оправдывало в глазах партии с. р. применение кровавых методов убийства царских министров и руководителей царской политической полиции.

При этом партия публично всегда принимала на себя ответственность за все совершаемые ею террористические акты и оглашала их.

Партия с. р. всегда решительно осуждала, тактику политических убийств в странах с демократическим образом правления и со свободой печати и общественного мнения. Она всегда заявляла, что немедленно прекратит террористическую борьбу, лишь только в России будут осуществлены элементарные политические гарантии, существующие во всех цивилизованных странах.

Она всегда категорически осуждала послереволюционный террор — то есть смертные казни и убийства побежденных представителей старого режима. Партия с. р. полагала, что побежденный рабочий класс может и должен быть великодушен и не должен **{103}** следовать примеру французских буржуазных революционеров 1793 года. И морально, и политически террористические акты революционеров, шедших всегда на верную смерть для того, чтобы поразить какого-нибудь всемогущего временщика в роде фон Плеве в самом центре его власти, окруженного тучами сыщиков и жандармов, — самым резким образом отличаются от приказа члена Ч. К. о расстреле какого-нибудь бывшего полицейского офицера или даже министра, великого князя или самого царя, обезоруженных, беззащитных, бессильных, жалких.

В то время, как террористическая борьба партии с. - р. с самодержавием выковывала самоотверженных, благородных, беззаветно преданных революции, глубоко-человечных **героев**, — чрезвычайная комиссия при большевистском режиме открыла широкое поприще для деятельности людей нравственно тупых, озлобленных, мрачных фанатиков или просто преступных садистов, не героев, а п а л а ч е й .

Нужно отметить, что большевики всегда осуждали до 1917 г. партию с. р. за применение ею террористических методов и, вообще, считали ее партией мелкобуржуазной интеллигенции, по недоразумению называющей себя социалистической.

Главным теоретиком партии с. р. был Виктор Чернов.

Наиболее видными деятелями партии со времени ее образования были: Михаил Гоц, Шишко, Лазарев, Волховской, Гершуни, Брешковская, Минор, Рубанович, Слетов.

Позиция партии с. р. во время революции была определена третьим съездом партии (Москва, май 1917 г.), четвертым съездом (Петроград, декабрь, 1917 г.) и. затем восьмым (май 1918 г.), девятым июнь 1919 г.) и десятым (июль 1921 г.) советами партии. Для суждения об ее политике и тактике необходимо ознакомиться также с резолюциями и письмами ее Ц. К., которому, в виду невозможности в условиях советского режима созвать партийные конференции, приходилось самостоятельно принимать важные политические решения.

Из постановлений московского съезда партии в 1917 г. отметим относящееся к войне, к Интернационалу и о Временном Правительстве.

{104}

Об отношении к войне.

Настоящая война возникла на почве империалистических стремлений господствующих классов всех великих держав, направленных к захвату новых рынков и подчинение своему экономическому и политическому влиянию мелких и отсталых государств, стремлений, эксплоатировавших в своих целях как желания национальностей, еще не получивших своего самоопределения, так и пережитки бессознательного шовинизма. До сих пор правящие классы воюющих стран питают эти захватные стремления, враждебные интересам трудового народа.

Мы призываем народы воюющих стран заставить свои правительства и господствующие классы отказаться от захватных стремлений и взять дело мира в свои руки. С своей стороны, мы заявляем,

что русскому народу, широким массам рабочих и крестьянства империалистические войны чужды, и что русская демократия не желала и не желает никаких захватов.

Исходя из этих положений и стоя на точке зрения совпадающих между собою идеалов международного социализма и насущных интересов трудящихся масс России, III Съезд партии с. р. полагает, что перед русской демократией в настоящий момент стоят следующие ближайшие задачи:

1. В виду того, что ликвидация войны возможна лишь при условии объединенных усилий демократии всех стран, партия с. р. признает необходимым:

а) чтобы социалистическая демократия России всеми мерами содействовала скорейшему воссозданию революционного Интернационала и созыву международного социалистического съезда для восстановления международной солидарности трудящихся, выработки окончательных условий мира и мер к проведению их в жизнь;

б) чтобы социалистическая демократия России обратилась с призывом к демократии всех государств с тем, чтобы они присоединились к лозунгу «мир без аннексий и контрибуций» и в этом направлении воздействовали на свои правительства.

{105}

2. III Съезд партии с. р., признавая, что Временное Революционное Правительство в основу своей международной политики положило выдвинутую российской демократией программу мира без аннексий и контрибуций с осуществлением права всех народов на самоопределение, и полагая, что вопрос о спорных областях должен быть разрешен путем свободного и обставленного международными гарантиями опроса самого населения считает необходимым, чтобы Временное Революционное Правительство в кратчайший срок приняло все зависящие от него меры для присоединения остальных союзных России держав к этой программе мира. Равным образом, путем международного соглашения должны быть переложены финансовые — как в отношении государств, так и в отношении частных хозяйств — последствия войны на господствующие классы всех стран, захваченных прямо или косвенно войной.

3. III Съезд партии с. р. требует, чтобы Временное Революционное Правительство приняло все меры к пересмотру и ликвидации тайных договоров, заключенных царским правительством с союзными державами и чтобы в своей дальнейшей международной политике оно руководствовалось исключительно интересами трудового населения России и интересами демократии всего мира.

4. III Съезд партии с. р., полагая, что осуществление этих задач возможно лишь в международном масштабе и объединенными усилиями трудовых масс всех воюющих стран, категорически отвергает сепаратный мир и сепаратное перемирие, как в корне противоречащее методам интернационального действия.

5. Отвергая безответственную пропаганду шовинисткой прессы в пользу форсирования наступления во что бы то ни стало, способную при недостаточной организованности революционной армии толкнуть ее на гибельную авантюру, чреватую самыми опасными последствиями для

всего дела русской революции, и усматривая в этом газетном походе стремление снять с очереди вопрос о целях войны, III Съезд партии с. р. равным образом считает недопустимым внесение в армию демагогической проповеди отказа от всякого движения вперед из окопов и неповиновение распоряжениям **{106}** революционного правительства и полагает, что как первое, так и второе может лишь затормозить создание, рост и укрепление новой революционной армии, способной быть надежной опорой для всей новой международной политики революционной России.

6. Пока эта война продолжается, революционная Россия идет навстречу необходимости стратегического единства фронта с союзниками и выдвигает в то же время необходимость единства фронта политического, считая их двумя необходимыми сторонами одного и того же дела — прокладывания дороги миру на основе самоопределения национальностей и отказа от политики аннексий и контрибуций.

7. III Съезд партии с. р., настаивая на ведении со всей энергией борьбы за всеобщий мир, считает необходимым в то же время, в интересах самой борьбы за мир, в интересах защиты русской революции и ее политических и социальных завоеваний от всяких посягательств как извнутри так и извне, приведение армии в полную боевую готовность и создание из нее силы, способной к активным операциям во имя осуществления задач русской революции и ее народной политики.

Об отношении к Временному Правительству.

III Съезд партии с. р. видит в создании коалиционного Временного Правительства, с одной стороны, новое свидетельство роста силы трудовой демократии городов и деревень, с другой стороны, неизбежный шаг для неотложной борьбы с грозной опасностью всероссийской разрухи, — борьбы, необходимой для укрепления новой революционной России, этой первой цитадели «третьей силы» в современной Европе.

Вместе с тем, он выражает твердую уверенность в том, что только дальнейший рост общественно-организационных сил социалистической демократии в стране может изменить еще более в пользу социалистов соотношение сил во Временном Правительстве.

{107} Считая основной политической задачей момента реорганизацию местной власти на началах органического народовластия и подготовление выборов в Учредительное Собрание, III Съезд партии с. р. отвергает и осуждает все, что может затормозить или отодвинуть их осуществление авантюристскими попытками захвата власти на местах или в центре, и всякую безответственную проповедь в этом направлении.

III Съезд полагает, что только единая сплоченная социалистическая группа во Временном Правительстве, соподчиняя все выступления отдельных министров принятой ею общей линии поведения, при контроле как нашего рабочего предпарламента, в лице советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, так и соответственных социалистических партий, может справиться с неотложной задачей: приложить руки рабочей демократии к укреплению завоеваний революции в то переходное время, когда цензовая Россия уже не в

состоянии справиться с роковыми проблемами современности, а социалистические партии еще не вынуждаются взять в свои руки власть.

До тех пор, пока решением социалистической демократии группа министров-социалистов остается в составе Временного Правительства и через нее осуществляется воля этой демократии и ее контроль над всей внутренней и внешней политикой Правительства, последнему обеспечивается самая энергическая поддержка в проведении его мероприятий против всех элементов распада и дезорганизации. III Съезд партии полагает, что, идя этим путем, партия социалистов-революционеров совместит двуединую задачу: участия в строительстве настоящего и подготовления грядущего, и тем подготовит свое торжество в Учредительном Собрании, завершая одновременно великую международную задачу русской революции: ускорение ликвидации войны силами воскрешенного русской революцией рабочего интернационала.

III Съезд партии считает необходимым, чтобы министры – социалисты - революционеры положили в основу своей деятельности постановления, принятые высшей партийной инстанцией, то есть настоящим полномочным собранием представителей партийных организаций.

{108}

Об интернационале.

I. III Съезд партии соц. - рев., руководясь воззрениями, выраженными в принятых им резолюциях о текущем моменте и о войне, постановляет послать своих делегатов:

1. на Международную Социалистическую конференцию мира, созываемую по почину Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов;

2. на иные предварительные конференции, в том числе и на третью Циммервальдскую, имеющую задачей обмен мыслей между трудовыми демократиями всего мира.

II. Съезд поручает Ц. К. сформировать с этой целью соответствующие делегации.

Партия с. р. принимала участие в выработке знаменитого воззвания к международному рабочему классу (14 марта 1917 г.) Петроградского Совета Рабочих Депутатов, в котором ей, вместе с социал-демократами меньшевиками, принадлежало в то время большинство.

В согласии с этой позицией, партия приняла деятельное участие в подготовке Стокгольмской международной конференции, для чего командировала в 1917 г. заграницу Н. Русанова. Конференция эта, как известно, не состоялась, ибо правительства Антанты отказались дать паспорта делегатам социалистических партий их стран.

В апреле-мае 1917 г. партия с. р., как и соц. - дем. рабочая партия, решила делегировать своих представителей в коалиционное Временное Правительство, председателем которого был сначала кн. Г. Е. Львов, а затем А. Ф. Керенский. Большевики до сих пор обвиняют партию с. р. за это в «измене пролетариату» и в союзе с буржуазией.

В действительности, партия вошла тогда в коалиционный кабинет для того, чтобы спасти нарождавшийся и еще слабый демократический режим от возможного натиска контрреволюции. В это время социалистические партии, только что вышедшие из подполья, не успевшие еще организоваться и опиравшиеся на плохо организованные, только что **{109}** скинувшие с плеч трехвековое рабство рабочие массы, не могли взять полностью власть в свои руки.

Революция развивалась во время войны с сильнейшим врагом, и перед правительством стояла в высшей степени сложная и опасная задача: произвести необходимые преобразования, не разрушая фронта, не губя народного хозяйства и ведя одновременно дипломатические переговоры с союзниками для прекращения войны на основах, приемлемых для всех. Вызывать в этот момент гражданскую войну в стране было чрезвычайно опасно и грозило потерей ее национальной самостоятельности, а во всяком случае, таким ее ослаблением, которое могло свести на нет все завоеваны революции и сделать возможными реставрацию и реакцию.

Поэтому партия с. р. пыталась заключить соглашение с левой, демократической частью буржуазии, чтобы заставить реакционное дворянство, а также правые и империалистические партии подчиниться революционному народу.

Однако, это соглашение не удалось. Буржуазия, в массе своей испугавшись революции, предпочла пойти с дворянством, а не с рабочим классом, с монархией против демократии и республики. Буржуазные члены кабинета чинили всякие препятствия революционным преобразованиям и саботировали дело Временного Правительства. Видные лидеры буржуазии, одно время присоединившиеся к революции, начали конспирировать с военными контрреволюционными кругами (что привело к памятному выступлению генерала Корнилова против Временного Правительства).

Коалиционное правительство пережило несколько кризисов. Партия с. р. продолжала участвовать в правительстве, но поставила определенные условия, в числе которых было требование активной внешней политики, направленной к скорейшему заключению общего и справедливого мира. С этой целью партия настаивала на созыве конференции союзных держав, на которой должна была быть изложена точка зрения революционной России, и на созыв Стокгольмской социалистической конференции. Ц. К. партии не находил возможным для социалистических партий брать целиком власть в свои руки накануне выборов в Учредительное Собрание, считая, что лишь оно установит **{110}** окончательно государственный строй России и назначит «законное», ответственное перед Учредительным Собранием правительство. Накануне самого созыва Учредительного Собрания большевики произвели переворот 25 октября 1917 г. и немедленно стали осуществлять режим террористической диктатуры.

Партия осудила этот захват власти, но не отказывалась войти в переговоры с большевиками относительно возможного компромисса с целью образовать единое социалистическое правительство. Компромисс этот оказался невозможным. Опираясь на вооруженную силу,

большевики хотели диктовать лишь свою волю. Партия с. р. решила перенести борьбу на почву выборов в Учредительное Собрание, на созыве которого большевики первоначально очень настаивали, но от которого отреклись, когда увидели, что большинство на выборах получила партия с. р.

Четвертый съезд партии (декабрь 1917 г.) высказался против коалиции с буржуазными партиями и даже осудил политику Центрального Комитета, который, по мнению съезда, слишком затянул коалиционный опыт. Вот резолюция этого съезда:

«Съезд партии с. р. вынужден констатировать, что Ц. К. в течение 6 месяцев работы не всегда соответствовал своему назначению быть органом, руководящим деятельностью партии. Съезд признает, что Ц. К. не осуществлял в должной мере своей обязанности контроля над деятельностью членов партии, занимавших самые ответственные посты в органах государственного управления и руководящих органах демократии. Этим Ц. К. делал партию ответственной пред трудящимися массами за политику, ею не санкционированную, за события, о которых она даже была не осведомлена, за действия, не соответствующие ни партийной программе, ни ее коллективной воле. Этим Ц. К. невольно способствовал подрыву доверия масс к партии, ее лозунгам, ее деятелям».

Другая резолюция того же съезда гласит:

«Современная русская революция является народно-трудовой, пробивающей первые бреши в крепости буржуазной собственности и буржуазного права; она открывает собою промежуточный переходный **{111}** исторический период между эпохой полного расцвета буржуазного строя и эпохой социалистического переустройства. Истина эта не была достаточно осознана руководящими слоями нашей социалистической демократии, и в результате наша революция доселе не нашла для себя правильного и прочного русла ...

«Для социалистической демократии нужно было пройти опыт смешанного правительства с цензовыми элементами. Этот опыт сослужил свою службу, как только воочию показал всему народу, что цензовые элементы не могут примириться с разрешением в пользу трудового народа тех широких социальных задач, которые выдвинуты нашей революцией, в особенности в области неотложного и коренного переустройства наших поземельных отношений. Начиная с этого момента, повторение и продолжение этих опытов с коалицией вело лишь к тому, что творческая работа революционной власти приостанавливалась, борьба за демократический мир велась недостаточно энергично, а попытки идти навстречу реальной потребности страны в твердой власти, не сопровождаясь современным удовлетворением жгучих потребностей трудового населения, оставались без успеха и вызывали недовольство.

«Наша партия, к сожалению, не проявила в трудные моменты достаточной решимости, не взяла во время власти в свои руки и оставляла ее до конца в руках ослабленного, обесцвеченного, потерявшего популярность правительства, сделавшегося легкой добычей первого же заговора.

«Партия обязана — гласил заключительный абзац резолюции

съезда — приложить всю энергию для того, чтобы сосредоточить вокруг охраны всех прав Учредительного Собрания достаточные организованные силы, чтобы в случае надобности принять бой с преступным посягательством на верховную волю народа, откуда бы таковое ни исходило и какими бы лозунгами ни прикрывалось».

На выборах в Учредительное Собрание пария с. р., как мы уже сказали, получила подавляющее большинство. За эсэров голосовали 20.893.734 избирателей (52 проц.), за большевиков — 9.023.963 (25 %), за все буржуазные партии вместе — 4.130.376 (меньше одной седьмой).

{112} Мы не будем здесь останавливаться на изложении событий, связанных с первым и единственным заседанием Учредительного собрания, выбранного всеобщей подачей голосов по избирательному закону, изготовленному Временным Правительством Керенского. Но для того, чтобы положить конец клеветническим измышлениям коммунистов, необходимо привести подлинный текст постановлений, принятых эсэровским большинством Учредительного Собрания на заседании 5 января 1918 года, происходившим под председательством Виктора Чернова. Мы привели уже первые 10 статей аграрного закона. Приведем резолюцию о мире и закон о федеративном устройстве России.

Резолюция о мире.

«Именем Народов Российской Республики Всероссийское Учредительное Собрание, выражая непреклонную волю народа к немедленному прекращению войны и заключению справедливого всеобщего мира, обращается к союзным с Россией державам с предложением приступить в совместному определению точных условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов, дабы представить эти условия от имени всей коалиции государствам, ведущим с Российской Республикой и ее союзниками войну.

«Учредительное Собрание исполнено непоколебимой уверенностью, что стремление народов России к прекращению губительной войны встретит единодушный отклик в народах и правительствах союзных государств и что общими усилиями достигнут будет скорый мир, обеспечивающий благо и достоинство всех воюющих народов.

«Выражая от имени народов России сожаление, что начатые без предварительного соглашения с союзными демократиями переговоры с Германией получили характер переговоров о сепаратном мире, Учредительное Собрание, именем народов Российской Федеративной Республики, продолжая установившееся перемирие, принимает дальнейшее ведение переговоров с воюющими с нами державами на себя, дабы, защищая **{113}** интересы России, добиваться, в согласии с волей народной, всеобщего демократического мира.

«Учредительное Собрание заявляет, что оно окажет всемерное содействие начинаниям социалистических партий Российской Республики в деле немедленного созыва международной социалистической конференции в целях достижения всеобщего

демократического мира.

«Учредительное Собрание постановляет избрать из своего состава полномочную делегацию для ведения переговоров с представителями союзных держав и для вручения им обращения о совместном выяснении условий скорейшего окончания войны, равно как и для осуществления решения Учредительного Собрания по вопросу о мирных переговорах с державами, ведущими против нас войну.

«Данная делегация имеет под руководством Учредительного Собрания немедленно приступить к исполнению возложенных на нее обязанностей».

Основной закон о государственном устройстве России.
О контрреволюционной опасности.

«Именем народов, Государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное Собрание постановляет:

Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные».

После того, как Учредительное Собрание проголосовало эти законы, большевистские матросы, по приказанию Ленина, разогнали его якобы «за измену пролетариату» и за союз с помещиками, буржуазией и монархией. Невежественные и обманутые, возбужденные бессовестными демагогами, матросы по истине «не ведали, что творили».

В то же время другие матросы расстреливали на улицах Петрограда мирную манифестацию рабочих и убили крестьянского депутата с. р. Логинова, женщину социалистку-революционерку Горбачевскую и др.

{114} После насильственного разгона большевиками Учредительного Собрания, партия с. р. решила попытаться вести политическую борьбу за свое понимание задач революции в рамках легальности. Но очень скоро выяснилось, что большевистское правительство не терпит никакой свободной критики и готово для сохранения своей власти к самым худшим видам насилия, не останавливаясь перед нарушением даже собственной «советской» конституции. Эсэровские газеты беспощадно закрывались, их типографии ликвидировались, социалистические организации разрушались, выборы в советы производились в атмосфере беспримерного административного давления, советы с сильной социалистической оппозицией систематически распускались. Постепенно советское рабочее самоуправление было упразднено и заменено иерархической централизованной бюрократией, которая только носит название «советского строя», но в действительности не имеет ничего общего с ним. Международный социализм теперь уже достаточно осведомлен о банкротстве коммунистического эксперимента большевиков, об уничтожении промышленности, о разорения деревни, о

разочаровании масс в большевистской демагогии и о борьбе, которую большевики ведут с народом для сохранения своей неограниченной власти. Известно, что они держатся при помощи террора, насилия, беспощадного подавления всякой оппозиции, беспримерного политического гнета, при котором народ осужден на апатию, прозябание и медленное вымирание от голода и эпидемий, прерываемых стихийными возмущениями, бунтами, слепыми вспышками голодных, забитых и измученных масс.

Летом 1918 года конфликт власти с народом принял характер гражданской войны. Партия с. р. была на стороне народа. На Волге и на Урале она организовывала крестьянские и рабочие полки, которые сражались с большевиками на так называемом «фронте Учредительного Собрания». Им помогали в этом чехословацкие легионы, составленные из военнопленных, которых Троцкий попытался разоружить по требованию императорской Германии. Уже в то время большевики, подписавшие позорный сепаратный Брест-Литовский мир, приглашали в Россию германских **{115}** капиталистов, возвращали им их конфискованное имущество, давали им новые концессии и вообще всячески заигрывали с германскими империалистами. Граф Мирбах был в Москве, а представитель советской власти Иоффе добивался в Берлине приема у кайзера Вильгельма.

Украина, Юг России, Кавказ, Польша, Финляндия, Прибалтийские провинции были в руках немецких империалистов. Политической и экономической независимости России был нанесен тяжелый удар, и победа императорской Германии угрожала всему будущему нашей страны, угрожала полным уничтожением всех завоеваний революции, восстановлением старой монархии и возвращением помещиков.

Свою точку зрения на положение России и Европы, партия с. р. высказала в это время в декларации Ц. К., в которой указывалось, что партия с. р. начала борьбу для свержения большевистской диктатуры и для отмены позорного Брест-Литовского мира, отдавшего Россию в рабство Императорской Германии. С этой целью партия намерена, по восстановлению народовластия, возобновить войну с Германией «в согласии с народами» Франции, Англии, Италии и Америки.

Партия с. р. потерпела неудачу в борьбе за восстановление демократической власти, ибо в тылу у нее контрреволюционные буржуазно-монархические группы подготовили заговор и одновременно с большевиками напали на начавшую организовываться вокруг знамени Учредительного Собрания на Волге и в Сибири демократию. Позднее, уже во время борьбы большевиков с Деникиным, партия с. р. прекратила вооруженную борьбу с большевиками в виду опасности возвращения старого режима и сосредоточила все свои силы на борьбе с реакцией. Приведем соответствующие резолюции 9-го совета партии, собравшегося нелегально в июне 1919 г. В Москве.

О контрреволюционной опасности.

«Перед лицом страшной опасности, грозящей всем завоеваниям революции, на половину ликвидированной большевистским режимом террора, от рук **{116}** Колчака, Деникина, Юденича и других представителей внутренней и внешней реакции, учитывая соотношение наличных сил, IX совет партии с. р. одобряет и утверждает принятое всеми правомочными партийными органами решение прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой.

«Констатируя полную неспособность этой власти встать выше своих узко-партийных интересов и во имя спасения революции пойти путем уступок к созданию общесоциалистического и революционного фронта, П. С. Р. лишена в настоящее время возможности слить свою борьбу против попыток контрреволюции с борьбой большевистской власти и центр своей борьбы против Колчака, Деникина и др., должна перенести в их территории, подрывая их дело внутри и борясь в передовых рядах восставшего против политической и социальной реставрации народа всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия.

«П. С. Р. возлагает всю ответственность за возможные успехи контрреволюции на самоубийственную политику большевиков, подрывающих возможности **единого** боевого фронта демократии против контрреволюции разрушением единства политического фронта демократии. В то же время IX совет П. С. Р. считает необходимым вскрыть перед трудовым народом сущность того режима, который несет с собой реакция Колчака, Деникина и др.»

Тогда же была вынесена следующая резолюция

об интервенции

«IX Совет партии констатирует, что уже на VIII Совете партией было торжественно заявлено, что в рядах ее нет течения, которое бы искало опоры для внутреннего возрождения страны вне ее собственных материальных, духовных и социальных ресурсов.

«Таким образом еще тогда была отвергнута всякая мысль о союзнической интервенции, то есть о **{117}** вмешательстве в наши внутренние дела. В виду Брестского мира, ставя себе задачей его отмену и возрождение восточного фронта, партия все же считала допустимым появление на русской территории союзной вооруженной силы лишь на тех началах, на каких русские вспомогательные корпуса сражались в рядах союзных армий на территории Франции.

«Сохраняя свое отрицательное отношение к интервенции, П. С. Р. после победы союзников и падения Брест-Литовского мира не могла не признать, что никакого основания для дальнейшего пребывания союзников на русской территории более не существует.

«Принимая кроме того во внимание печальный опыт недавних попыток союзнической интервенции, вырождающейся в эксперименты с обращением целых областей России в объекты колониальной политики и владычества реставрационных сил, IX Совет партии выражает решительное порицание всем тем находящимся заграницей партийным товарищам, которые, вопреки неоднократным решениям, выступают с проповедью или с ходатайствами об интервенции, и вменяет им в обязанность полное прекращение такой деятельности, как несовместимой с дальнейшим пребыванием в рядах П. С. Р.

«IX Совет поручает Ц. К . принять самые энергичные меры к тому, чтобы побудить социалистические партии всех стран заставить империалистические правительства прекратить хищнические набеги на Россию, блокаду ее и военную и материальную помощь российской контрреволюции.

«Вместе с тем совет партии считает необходимым заявить, что признание союзниками правительства Колчака она будет рассматривать, как акт враждебный по отношению к русской демократии.»

Тот же Совет принял следующую резолюцию

об интернационале.

«Ликвидация грандиозной мировой катастрофы, какой явилась всемирная война, исторически неизбежно **{118}** завершается огромным социальным сдвигом, колеблющим в целом ряде государств все основы старого землевладельческого и плутократического порядка.

«В этой новой эре революции идет усиленная организация в мировых размерах контрреволюционной силы, опирающейся на современные правительства Европейских стран-победительниц, старающихся превратить Лигу Наций в ширмы для нового «Священного Союза Буржуазии», в новую форму гегемонии союзного империализма.

«В связи с этим IX Совет П. С. Р. признает главной задачей всего современного мирового социализма, немедленное восстановление Интернационала.

«Это восстановление должно быть не только формальным воскрешением организационной связи между всеми разобщенными и частично деморализованными войной национальными социалистическими партиями, но еще более внутренним возрождением и обновлением социализма и превращением его в действенную мировую силу, способную держать курс на революцию и противостоять замыслам организованной Мировой реакции.

«Первым испытанием действенности и боеспособности обновленного Интернационала должны быть его непримиримая борьба против попытки стран победительниц навязать странам побежденным такие условия мира, которые могут лишь пробудить в них неистребимую жажду реванша и потому таить в себе зародыш новых войн. Средством для этого является использование всех благоприятных течений в Лиге Наций и энергичное давление на нее и на правительства стран-победительниц, действенным выявлением массового народного негодования.

«Лозунгом массовой агитации должно быть свержение тех правительств или кабинетов, которые своими стяжательскими националистическими аппетитами становятся в противоречие могучей всенародной жажды длительного мира. Вместе с тем IX Совет партии решительно осуждает попытку создания III Коммунистического интернационала, рассматривая ее как явление сектантской политики, направленной объективно к срыву единства социалистического движения и к его дезорганизации.»

{119} Для суждения о позиции партии в настоящее время необходимо обратиться к резолюциям X Совета партии (июль 1921 г.) и к заявлениям ее Ц. К.

Резолюция по текущему моменту.

«Мировая война, обострившая и обнажившая все классовые антагонизмы и глубокие противоречия, скрытые в буржуазном обществе, поставила перед трудящимися классами во всем объеме вопрос о коренном переустройстве этого общества, таящего в себе вечную угрозу прогрессу человечества и самым жизненным интересам трудящихся.

«Вместе с тем война, революционизировавшая трудовые массы и облегчившая возможность завоевания ими политической власти, особенно в странах, потерпевших поражение, истощила до крайних пределов производительные силы по обе стороны фронтов и вызвала общий кризис мирового хозяйства, чрезвычайно ограничив тем самым возможности непосредственных материальных достижений революции.

«Все это дает право утверждать, что непосредственная борьба за социализм, в которую вступил мир в результате войны, независимо от ее форм, будет длительной и тяжелой, в процессе которой трудовым массам предстоит ряд столкновений со старым миром за расширение своих прав в управлении производством и обменом, за расширение в этой области прав коллектива за счет прав отдельного предпринимателя.

«X-й Совет, подтверждая правильность этого неоднократного анализа сущности переживаемой исторической эпохи, устанавливает, что гибельная для дела российской и международной революции 4-х летняя политика большевистской власти поставила Россию под непосредственную угрозу империалистической интервенции и крайне осложнила дело борьбы международной демократии за социализм, — но ни в какой мере не сняла с очереди этой борьбы и не изменила общих перспектив переживаемой эпохи.»

Дав характеристику политике большевиков, X Совет заявляет:
{120} «В этом сознании необходимости и неизбежности грядущего революционного движения, партия должна учитывать, что многочисленные за время большевистской диктатуры восстания против нее трудовых масс города и деревни каждый раз терпели поражения вследствие полной неорганизованности и малой политической зрелости масс, не умевших до сих пор в своей борьбе с большевистской властью

подняться до понимания обще государственных задач и методов этой борьбы.

«Распыленность демократии города и деревни, психологическая усталость, глубокое разочарование в своих чаяниях, деморализация и значительная деклассация широких слоев трудящихся в результате уродливого социального экспериментаторства большевиков — все это представляет собой наибольшую угрозу делу революции, является тем подводным камнем, на котором она может потерпеть последнее и окончательное для долгого периода лет крушение.

«Поэтому первой и основной задачей партии для ближайшего момента является работа по организации активных сил города и деревни и идейной кристаллизации широких масс трудящихся классов.

«В этой работе партия должна выдвигать свой основной лозунг — последовательной системы народовластия, как единственной политической системы, обеспечивающей развитие народной самодеятельности, этого основного условия победы революции и социалистического строительства.

«Не упуская вместе с тем никаких возможностей открытой работы в тех общественных органах, которые под давлением жизненной необходимости создали или должны будут создать большевики, партия должна выявлять скрытые в них классовые противоречия, подчеркивая свою позицию «третьей силы», силы трудовой демократии.

«Как в первый подготовительный период, так и в дальнейшей борьбе, партия должна строго отмежевываться от всех элементов справа, отказаться от какой либо, хотя бы временной, хотя бы тактической коалиции с буржуазией.

{121} «В связи с этим руководящее партийные органы должны принять самые решительные меры к устранению на будущее время всех попыток навязать партии отвергаемые ею методы и цели, и к недопущению самой возможности сепаратной политики, как отдельных товарищей, так и целых организаций». Резолюция X Совета об Интернационале гласит:

«Подтверждая обращение Ц. К. в Венское Бюро Международного Объединения Социалистических Партий от 23-го апреля 1921 г., X Совет П. С. Р. поручает, со своей стороны, заграничной делегации принять самые энергичные шаги к проведению его в жизнь. Вместе с тем Совет поручает избираемому им Партии по вопросу о восстановлении боевого революционно-социалистического интернационала.»

Особый интерес представляет декларация об общей политики партии, составленная и подписанная в тюрьме вождями партии, членами Ц. К., осужденными теперь большевиками на «условную смертную казнь».

В письме к новому Центральному Бюро партии по поводу резолюции X Совета они пишут (5 сентября 1921 г.):

«Дорогие Товарищи!

«С радостью мы узнали о благополучном исходе X-го Совета Партии.

«Это огромная и моральная и политическая победа нашей партии, свидетельствующая с несомненностью, что все жестокие гонения и

преследования, обрушившиеся за последнее время на партию Социалистов-Революционеров, бессильны были сломить ее моральный дух и потушить ее революционный энтузиазм. Загнанная в подполье, сметенная с открытой арены политической борьбы, изгнанная из всех легальных организации, преследуемая властью с неслыханной жестокостью, распинаемая и заушаемая клеветой и растленной ложью, партия Социалистов-Революционеров, ни на минуту не выпускала из своих рук старого славного знамени, не покидала своего революционного поста, стойко боролась в первых рядах рабочего класса, и в дни революционных бурь, и в дни временного затишья, во имя революционного социализма и демократии.

К каким только грязным **{122}** приемам, недостойным методам, бесчестным средствам ни прибегала власть в своей борьбе о партией Социалистов-Революционеров! От клеветы до провокации все было мобилизовано и брошено на этот фронт большевистской властью. И не только недругам, но и малодушным друзьям порой казалось, что партия не справится с бурей преследований, не устоит под ударами, обрушившимися на нее, и падет, раздавленная тяжестью гонений, истекающая кровью, разорванная в клочки, распыленная.

«Х-й Совет — лучший и красноречивый ответ и недругам и малодушным друзьям. Самый факт созыва многочисленного Совета в момент разгара большевистского террора в пределах Советской России — непреложное свидетельство глубокой жизненности нашей партии. На разгром Центрального Комитета Партия ответила не растерянностью и паникой, а еще более тесным сплочением поредевших рядов и новой мобилизацией работников среди пролетариата и трудового крестьянства.»

Нарисовав картину положения страны, авторы письма говорят:

«Два пути открывались перед большевистской властью, две возможности лежали перед ней. Она должна была, либо круто порвав со старыми методами диктаторского господства и со старыми приемами бесконтрольного, монопольно-партийного управления, вернуться к демократии, протянуть руку всем социалистическим партиям, чтобы общими усилиями, опираясь на раскрепощенную самодеятельность самих трудящихся масс, спасти от крушения все то, что можно еще спасти свободным героическим напряжением воли трудящихся из достижений революции. Ибо она должна была пойти на капитуляцию перед иностранным и отечественным капиталом, пойти, посыпав голову пеплом и с веревкой на шее, в капиталистическую Каносу.

«На первый путь звали большевистскую власть и гром кронштадтских пушек, и бесчисленные голоса петроградских и московских пролетариев, и та наиболее сознательная часть трудового крестьянства, которая, разочаровавшись в **{123}** партизанщине и повстанчестве, жадно искала выхода из мучительного тупика, и социалистические партии, лишь чутко отражавшие настроение рабочего класса.

«Но коммунистическая партия, охваченная одной только мыслью удержания власти в своих руках во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой, соглашению с социалистической демократией и примирению с рабочим классом предпочла путь капитуляции перед отечественным и

иностранным капиталом, путь соглашения с международной и своей — новой и старой — буржуазией.

«В этом весь смысл столь пышно возвещенной Лениным «новой экономической политики» большевизма, рекламируемой растленными перьями продажных казенных публицистов, как «мудрый стратегический маневр», как «глубокий обход с тыла», или «хитро задуманное обходное движение», которое должно через расцвет мелкой промышленности, торговли, кредита, банков, через реставрацию X тома Свода Законов и восстановление прав частной собственности, через укрепление основ буржуазного строя привести нас к коммунизму.

«Но большевистская власть, восстанавливая одной рукой хозяйственные отношения буржуазного строя, а другой — удушая со все большим ожесточением самодеятельность и выявление воли трудовой демократии, готовит себе в наследники буржуазную реакцию.»

Охарактеризовав политику советского правительства, как «большевистский термидор», авторы письма продолжают:

«X Совет совершенно правильно заявляет в своей основной резолюции, что главным центральным заданием, властно выдвинутым развитием событий последнего времени, является преодоление диктатуры правящей парии, политическая борьба с самодержавием Центр. Ком. Коммунистической партии. В этом — основная сущность, жизненный нерв, главное содержание переживаемого момента.

«Но в силу этого этот пункт нашей платформы требует сугубо отчетливой формулировки. Партия социалистов-революционеров в прошлом — в лице **{124}** своего Центрального комитета — неоднократно уже заявляла, что хотя ликвидация большевистской диктатуры и является основной целью всех политических устремлений партии, но далеко не всякую ликвидацию она будет приветствовать, и не всякую борьбу против нее она будет поддерживать. Отметая самым решительным образом идею коалиции с буржуазными группировками, Центр. Ком. тем самым определенно подчеркивал, что для него приемлема ликвидации большевистской диктатуры, только во имя демократии и только силами пролетариата и трудового крестьянства.

«Рассеивая иллюзию о возможности мирного демократического перерождения большевистской диктатуры, партия соц.-рев. должна особенно фиксировать внимание масс на опасности готовящейся смены большевиков реакций и на необходимости для пролетариата и трудового крестьянства в решительную минуту не только утвердить на место большевистской диктатуры народовластие, но и защитить последнее против всяких посягательств реакции.

«Именно поэтому Центральный Комитет неустанно подчеркивал, что в своей непримиримой борьбе с большевистской диктатурой, он считает возможным звать трудящиеся классы только на те пути борьбы, которые, быть может, и не сулят решительных успехов, но за то в самом процессе борьбы способствуют сплочению, организационному объединению, идейной консолидации рабочего класса. Исходя из этой точки зрения, Центральный Комитет постоянно отвергал методы партизанщины и повстанчества, как распыляющие единство трудящихся,

расточающие бесплодно народные силы, рассеивающие революционную энергию рабочего класса в ряд разрозненных вспышек, внутренно обессиливающих его.

«Мы не сомневаемся, что Совет разделял главные черты очерченной выше политики. В этом нас убеждают и те пункты в резолюциях Совета, где он решительно осуждает подмену классовой революционной социалистической политики трудящихся масс, как политиканством отдельных зарубежных групп, пытающихся вновь, вопреки ясно выраженной воле **{125}** партии, увлечь ее на путь бесплодных соглашений с буржуазными элементами, лишь тормозящих ее работы среди рабочего класса России, так и авантюризмом отдельных, оторвавшихся от основного ствола партии ячеек, на свой страх и риск примыкающих к разрозненным повстанческим движениям. Но именно поэтому мы считаем нужным указать на некоторую неясность формулировки в той части резолюции, где говорится о том, что «вопрос о революционном свержении диктатуры коммунистической партии со всей силой жизненной необходимости ставится в порядок дня». Чтобы не впасть в противоречие со всем духом вышеизложенной концепции, под «революционным свержением большевистской диктатуры», следует разуметь лишь ликвидацию этой диктатуры силами революционных трудящихся масс, осуществляемую самостоятельным политическим выступлением этих масс, вне какого либо союза с классово враждебными рабочему классу группировками. Для нас ясно, что всего ошибочнее было бы вкладывать в данную формулу какое либо прикровенное признание методов партизанщины и повстанчества. Мы опасаемся, что неотчетливая и смутная формулировка этого пункта способна породить некоторую неясность в умах неопытных, политически неискушенных товарищей.

«Распыленность рабочего класса, дезориентация, царящая в его рядах, отсутствие крепких классовых организаций трудящихся, глубокая рознь, посеянная большевистской политикой между работниками города и деревни, все это заставляет партию социалистов-революционеров при данной внутренней и международной ситуации поставить, как основную и первоочередную задачу, сплочение трудящихся масс в партийные организации и классовые объединения в процессе напряженной, пропагандистской, агитационной и организационной работы. К разрешению этой задачи должны быть отныне прикованы все усилия избранного Х-м Советом нового руководящего органа партии. Вне ее всякое выступление трудящихся неизбежно окажется преждевременным и приведет лишь к бесплодному расточению живой маневренной силы революции — рабочего класса.

«Но этот отказ для данного момента от метода вооруженной борьбы, когда при распыленности **{126}** трудящихся масс победа не достанется в руки революционной демократии, ведущей свое начало еще от IX Совета партии, конечно, отнюдь не означает ослабление той политической борьбы, которую вела и будет вести партия соц. - рев. за ликвидацию большевистской диктатуры. Вместе с вами мы склонны рассматривать Х Совет, как клич к сбору всех распыленных партийных сил, как сигнал к мобилизации новых работников на смену вырванных из рядов партии террором большевистской власти.»

Приветствуя решение X Совета о присоединении к Венскому Интернационалу, авторы письма прибавляют:

«Мы надеемся, что вы напомните заграничной делегации партии о том, какая ответственная задача стоит сейчас перед ней. В связи с огромным ослаблением сил Республики, вызванным голодом, среди некоторых империалистических правительств Запада вновь оживают планы военной интервенции, надежда вооруженной рукой сокрушить большевистское правительство, а за одно и взять в железа всю русскую революцию. Эту новую угрозу, нависшую над революцией, заграничная делегация должна отвести энергичной кампанией среди западного пролетариата против интервенционистических замыслов их правительств. Но столь же решительно она должна выступать и против скрытых форм интервенции под прикрытием помощи голодающему населенно России. Взывая ко всем классам Америки и Европы о спасении миллионов жизней наших граждан, — мы просим у них хлеба и только хлеба.

«Как ни дорога для нас идея Учредительного собрания, демократии, народовластия, но мы решительно отвергаем всякое вмешательство иностранных правительств в нашу борьбу с диктатурой коммунистической партии. Эти идеи должны быть завоеваны рабочим народом, а не ввезены в Россию на остриях иностранных штыков или выторгованы чужими правительствами, как условие помощи голодающим.

«На X-м Совете произошла смена выбывшего из строя часового новым. И сдавая важный ответственный пост, на котором вы призваны охранять старые революционные традиции Партии и ее старое славное знамя, мы должны вам передать и наш пароль и лозунг:

{127} «Социализм и демократия» — таков наш лозунг. «Объединение трудящихся города и деревни в борьбе с большевистской диктатурой во имя политического раскрепощения рабочего класса» — таков наш пароль.» Подписали это письмо члены Центрального Комитета Партии Социалистов-Революционеров: А. Р. Гоц, М. Я. Гендельман, М. А. Веденяпин, Д. Д. Донской, М. Я. Лихач, С. В. Морозов, Д. Ф. Раков, Е. М. Ратнер, Е. М. Тимофеев, М. С. Цетлин.

Такова в общих и беглых чертах политическая позиция партии с.-р. Мы не могли, конечно, дать в краткой статье исчерпывающее освещение роли партии с. - р. в революции, но того, что мы здесь сказали, достаточно для того, чтобы разорять клеветнические измышления, распространяемые о партии заграницей большевистскими агентами.

Заграничная делегация
Партии Социалистов-Революционеров.

Дальше дополнение – ldn-knigi:

Об Авторе :
http://www.hrono.ru/biograf/voitinski.html

Войтинский Владимир Савельевич (12 ноября 1885, Петербург - 11 июня 1960, США). Родился в семье преподавателя математики реального уч-ща. В 1904 поступил на Юрид. ф-т Петерб. ун-та. С ранних лет проявил матем. способности; написал работу "Рынок и цены: теория потребления и рыночных цен" (рекомендована к печати М.И. Туган-Барановским и опубл. с его предисловием в 1906). С 1905 чл. РСДРП, **большевик**. Участник Революции 1905-1907 (в Петербурге и Екатеринославе). В 1908 арестован, в 1909 приговорён к тюремному заключению. С 1912 в ссылке в Иркут. губ., где **сблизился с меньшевиками**, особенно с И.Г. Церетели. В годы 1-й мир. войны начал отходить от большевизма (обвинял ленинцев в "пораженчестве", политике раскола с. - д. движения).

После Февральской революции 1917 с 20 марта - в Петрограде. 29 марта выступил с содокладом на Всерос. (Мартовском) совещании парт. работников по вопросу об отношении к Врем. пр-ву:

"Будучи в корне своём контрреволюционным.... оно тем не менее по деятельности своей революционно... Все симпатии партий, образовавших Врем. пр-во, были направлены не в сторону участия в рев-ции, а противодействия ей... Врем. пр-во получило власть из рук народа. Совет РСД мог не признать его, и его не было бы. Почему же контррев. силы выполняют дело рев-ции? Почему рев. демократия не взяла в свои руки власть, а передала её в руки умеренно-либеральной буржуазии?.. когда была возможность осуществить диктатуру демократии, взять тогда власть в свои руки - значило погубить бурж-демокр. рев-цию. Пролетариат не справился бы с анархией... взять власть в руки социалистам было невозможно... Они выполняют, ненавидя нас, не скрывая этого, нашу рев. программу... ввиду этого внутр. противоречия необходим контроль со стороны Совета РД. Пока контроль этот есть, оно программу осуществит... Милюков со списком министров вышел за утверждением к Совету РД; угроза отставкой была также обращена к Совету РД, т.е. к Совету РД обращались с тем, о чём в конституц.-монархич. странах обращаются к монарху... Взять власть целиком в свои руки невозможно при бурж. строе... наша задача - орг-ция сил, подготовка к переходу власти в наши руки..." ("Вопросы истории КПСС", 1962, №5, с. 114-15); вошёл в комиссию по выработке резолюции. На собр. большевиков и меньшевиков - участников Всерос. совещания Советов 4 апр. настаивал на объединении с меньшевиками, избран чл. оргбюро по подготовке Объединит, съезда РСДРП; резко возражал против Апр. тезисов В.И. Ленина: "Мы все объединимся без него и против его программы, придуманной в поезде" ("Единство", 1917, 5 апр.). В нач. апр. перешёл к меньшевикам, где присоединился к сторонникам Церетели - "рев. оборонцам". Был чл. исполкома Петрогр. Совета РСД. 23 апр. избран чл. Бюро исполкома Петрогр. Совета РСД. 30 апр. на многотыс. митинге в Кронштадте доказывал необходимость создания коалиц. пр-ва, но поддержки матросов не получил. 1 мая вошёл в комиссию исполкома Петрогр. Совета для переговоров с Врем. пр-вом по поводу Апр. кризиса и условий вхождения в пр-во социалистов. 12 мая введён исполкомом в редакцию "Известий Петрогр. Совета". 2 июня на совещании с.-д-

делегатов 1-го Всерос. съезда Советов РСД в докладе о власти предложил поддержать коалиц. Врем. пр-во, т.к. коалиция диктуется тем, что "огромная часть населения, крест-во, правее нас" ("Рев-ция 1917", т. 3, с. 13-14). От имени фракций меньшевиков и эсеров выступал на съезде с резолюцией в поддержку наступления на фронте, говорил, что солдаты и офицеры "выполняют свой долг перед рев-цией там. на полях сражения" ("1-й Всерос. съезд Советов", т. 2, с. 88-89). В докладе на секции по нац. вопросу указывал, что нац. вопрос может быть решен Учред. Собр., что надо высказаться против попыток захватным порядком решить на местах нац. вопрос. От меньшевист. фракции избран чл. ВЦИК, затем и чл. Бюро ВЦИК.

В период Июльских событий по поручению ВЦИК вечером 3 июля выступил перед солдатами 1-го пулемётного запасного полка, пришедшими к Таврическому дворцу с требованием передачи всей власти Советам, призывая "к преклонению перед волей всей демократии" и предлагая им разойтись ("Известия", 1917, 4 июля). Был чл. особой Воен. комиссии ВЦИК и Исполкома Всерос. Совета КД для восстановления и поддержания рев. порядка в Петрограде.

5 июля на объединённом заседании ВЦИК и Исполкома Всерос. Совета КД доложил о мерах, принятых в ходе Июльских событий:

"...У входных дверей Таврического дворца стояло только 6 человек, которые не в силах были сдерживать толпу. Первая часть, пришедшая нам на помощь, - это броневые машины. У нас было твёрдое решение, в случае насилия "со стороны вооруженных банды" открыть огонь... боясь рисковать ослаблением фронта, но, видя всю опасность, грозящую революции, мы дали приказ некоторым частям грузиться и направляться сюда. Когда это стало известно в Петрограде, то произошёл перелом в сознании революционных войск Петроградского гарнизона... часть пришла нам на помощь... Но в городе по-прежнему царили вооружение банды... При разоружении нам пришлось особенно остро столкнуться с пулями "мирной кронштадтской демонстрации"... Мы выставили против них больше силы, чтобы избежать кровопролития. Тогда кронштадтцы сдались..." ("Рев-ция 1917", т. 3, с. 151).

Июльские события вызвали у Войтинского разочарование в возможностях революционного движения. По его просьбе в середине июля он был назначен комиссаром Врем. пр-ва на Сев. фронте, направлял усилия на укрепление армии, изоляцию большевиков, боролся с пораженческой пропагандой. По воспоминаниям генерала П.Н. Краснова, это был "... идейный человек, ставший на защиту армии от разрушения" (Краснов П.Н.. На внутреннем фронте, Л., 1925, с. 48). В конце августа участвовал в ликвидации выступления ген. Л.Г. Корнилова. Чл. президиума Всерос. Демокр. совещания. 16 сентября выступил с предложением ряда мер для повышения боеспособности армии, первоочередная из них - твёрдая революционная власть, к-рой доверяет демократия. 21 сентября от имени спец. комиссии предложил совещанию проект резолюции об образовании Всерос. Демокр. Совета Республики; после создания Предпарламента вошёл в его состав.

Узнав о созыве 2-го Всерос. съезда Советов РСД, подал 25 октября заявление об уходе с поста комиссара Сев. фронта, но, получив сведения, что ВЦИК 1-го созыва покинул съезд, взял заявление обратно и участвовал в подготовке отряда Краснова для похода на Петроград. Организовал встречу Краснова с А.Ф. Керенским утром 26 октября в Пскове и способствовал быстрому продвижению отряда; участвовал в

сосредоточении частей Северного фронта, включая авиацию, для похода. С 27 октября находился в сводном отряде Краснова, осуществляя связь с ВЦИК 1-го созыва и Комитетом спасения Родины и Рев-ции. После поражения под Пупковом пытался организовать подкрепление с Сев. фронта. 1 ноября был арестован и отвезён в Смольный, затем препровожден в Петропавловскую крепость.

Освобожден в начале 1918 и вместе с И.Г. Церетели уехал в Грузию. Ред. газеты груз. меньшевиков "Борьба". В кон. 1920 выехал с делегацией груз. меньшевист. пр-ва в Италию. С 1921 эмигрант. Поселившись в Германии, занимался науч. исследованиями в области экономики; после прихода к власти Гитлера переехал в Швейцарию, в 1934 - в США. В последние годы жизни окончательно отказался от марксизма.

Использованы материалы статьи Г.И. Ильящука и А.А. Корникова в кн.: Политические деятели России 1917. биографический словарь. Москва, 1993

Сочинения:

К чему стремится коалиц. пр-во, П., [1917] Крестьянин, рабочий и солдат, П., 1917;

Ответственность министров при царизме и в рев. России, П., 1917;

Годы побед и поражений, кн. 1-2, Берлин -П.-М, 1923-24.

Литература:

Николаевский Б.И, В.С. Войтинский, "Соц. вестник", 1960, № 8/9;

Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Станфорд, 1968 г.

http://www.kackad.com/article.asp?article=101

CASCADE RUSSIAN NEWSPAPER
Published in Baltimore Since 1995

Георгий Чернявский , Доктор исторических наук

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Как большевик Владимир Войтинский стал советником президента США

Владимир Савельевич Войтинский родился 12 ноября 1885 года в Петербурге в семье преподавателя математики реального училища (позже его отец стал профессором Лесного института).

Домашняя атмосфера, разносторонние интересы родителей - принявших христианство евреев, либерально мысливших разночинных интеллигентов второй половины позапрошлого века - обусловили острое внимание юного Владимира, его братьев Иосифа и Николая, сестры Надежды к русской и мировой литературе, истории и особенно к проблемам экономического и социально- политического развития общества. Родители привили детям не только разносторонние интересы, но и высокие нравственные требования и нормы. Младший брат Владимира Николай скончался в детстве. Старший брат Иосиф и младшая сестра Надежда стали в СССР сравнительно известными в своей среде личностями.

Родившийся в 1884 году Иосиф уже в молодом возрасте приобрел репутацию видного юриста. Первые книги ”Стачка и рабочий договор по трудовому праву” и ”Коллективные соглашения об условиях труда” он издал в 1911 году, когда ему было 27 лет. В советское время Иосиф выпустил первый краткий учебник ”Основы советского права” (1927), многочисленные исследования по трудовому праву, был блестящим лектором Ленинградского университета. Но во время ”большого террора” Иосифу Войтинскому припомнили и ”юридический объективизм” (страшно подумать, в своих книгах он обсуждал возможность забастовки в советских условиях!), и политический путь младшего брата. В середине 30-х годов имя Иосифа Войтинского перестало появляться в печати, а вскоре после этого он был арестован и расстрелян по приговору ”особого совещания”.

В 1886 г. на свет появилась Надежда, ставшая художником и искусствоведом, юношеским писателем и переводчиком. И она не избежала сталинской дубинки, - в 1938 году была арестована за ”антисоветскую агитацию”, твердо держалась на допросах и через год, во время бериевской псевдооттепели, когда была освобождена незначительная часть политзаключенных, также вышла из тюрьмы, хотя реабилитировали ее только через 15 лет. Надежда скончалась в 1965 г. В наши дни выставки ее работ прошли в Русском Музее и в других художественных галереях.

Девятнадцати лет Владимир Войтинский поступил на юридический факультет Петербургского университета. Он добросовестно штудировал правовые и экономические курсы (экономика изучалась именно на этом факультете), но наибольший интерес вызывали у него проблемы теоретической экономии, к изучению которых юноша пытался применить математические методы - благо, способности к математике были им унаследованы от отца. Знакомство с историком и экономистом М.И. Туган-Барановским - видным либералом и сторонником так называемого ”легального марксизма” (приверженцы этого течения использовали марксову аргументацию для обоснования неизбежности капиталистического развития России и необходимости введения демократических свобод) привлекло внимание Владимира к спорам в среде русских последователей Маркса и к взглядам других западных экономистов, которые полемизировали с Марксом.

Поначалу теория стоимости, разработанная в ”Капитале”, воспринималась им сугубо критически, и за выступления на студенческих семинарах с ее нелицеприятным анализом Владимир даже получил прозвище ”марксоеда”. Более последовательной и логичной студент считал теорию предельной полезности австрийца Ойгена Бем-Баверка, которая разрабатывалась и другими обществоведами на Западе. Эта теория, противопоставляемая прибавочной стоимости, исходила из того, что ценность благ определяется соотношением оценок покупателя и продавца. Она подкупала большей жизненностью, чем абстрактные построения ”отца научного социализма”. Ей Войтинский посвятил свою первую книгу ”Рынок и цены. Теория потребления и рыночных цен”, написанную в основном еще тогда, когда автор оканчивал гимназию, и опубликованную в 1906 году с предисловием Туган-Барановского (почти через 60 лет эта работа была переиздана в США).

Но еще до этого бурные события 1905 года повернули жизнь Войтинского в совершенно ином направлении: 20- летний студент был охвачен стихией начавшейся революции, и его смелости, боевитости, энергии более импонировала большевистская тактика революционного напора на царизм с перспективой ”перерастания” революции в социалистическую (именно так формулировал существо своей тактики большевистский лидер Ленин), чем более осторожная линия меньшевиков и тем более мирно- конституционные планы либералов.

Вскоре Владимир Войтинский, вчерашний ”марксоед”, так и не ставший последовательным марксистом, по крайней мере, в ленинском истолковании термина (впрочем, этого от него никто и не требовал, прагматические соображения были куда важнее), начал сотрудничать в большевистской печати. Юношу среднего роста с огненно-рыжими всклокоченными волосами охотно слушали на студенческих собраниях и рабочих митингах. У Войтинского была сильная близорукость, но, выступая, он не страдал от этого, так как очень быстро привык произносить свои речи не только без текста, но даже без конспектов или заметок. Известный в то время в социал-демократических кругах под псевдонимом Сергей Петров, Владимир проявил инициативу в создании профсоюза приказчиков, а вслед за этим стал руководителем Совета безработных Петербурга (сам он безработным не был, но над этим никто тогда не задумывался). Он развернул кампанию, в результате которой столичная Городская Дума выделила Совету безработных средства для организации общественных работ и раздачи бесплатных обедов.

К 1906 году относятся и первые контакты молодого социал- демократа

с воинскими частями - результатом стал написанный им наказ подразделений гарнизона, адресованный социал-демократической фракции Второй Государственной Думы.

В ноябре 1905 и в январе 1906 годов Войтинский подвергался арестам, но в условиях продолжавшегося еще бурного общественного подъема его вскоре освобождали.

Наш герой не раз встречался с Лениным. Вначале он был очарован лидером крайне революционный социал- демократической фракции. Но постепенно авторитарные повадки ”старшего товарища”, непререкаемость его суждений, их злобный тон, истеричность, многократные повторения одних и тех же утверждений, которые Ильич как бы стремился вколотить в головы своих слушателей, начинали вызывать раздражение, а затем и неприязнь. Однако Войтинский в то время относил это чувство еще только к личности человека, который волею истории возглавил революционно- экстремистское течение в более или менее единой тогда еще социал- демократической партии, но не к большевистской программе и тактике по существу. Политическое прозрение придет позже.

В начале 1907 года Войтинский отказался принять предложение Ленина бежать за границу, чтобы стать там руководителем большевистского журнала, и в третий раз он был арестован уже после государственного переворота, организованного главой правительства Столыпиным летом 1907 года. Жандармы взяли Владимира 15 октября 1907 года, но он смог бежать из арестного дома на Васильевском острове, перешел на нелегальное положение и по заданию большевистского центра уехал в Екатеринослав, где примерно месяц возглавлял партийную организацию большевиков.

Здесь в январе 1908 года его застал четвертый и последний арест. Два года - до суда в мае 1909 г., вынесшего приговор (четыре года и восемь месяцев каторжных работ) и непосредственно после него - Войтинский провел в Екатеринославской тюрьме.

По сравнению с другими тюрьмами тогдашней империи Екатеринославский централ отличался особо тяжкими условиями. Переполненные камеры, грязь, эпидемии, избиения и даже убийства заключенных - таковы были ее реалии. Для Войтинского они стали источником нового опыта, который был положен в основу меморандума, нелегально переданного в социал-демократическую фракцию Третей Государственной Думы и использованного ею в парламентских выступлениях. Вскоре Войтинский написал серию ярких очерков о тюремных порядках, печатавшихся в журнале ”Русское богатство” и других перворазрядных периодических изданиях.

Попытка бежать из тюрьмы, точнее из сыпнотифозного барака, куда он был переведен, симулировав болезнь, оказалась неудачной. Из Екатеринославского централа в 1910 году Войтинского перевели по этапу в Александровскую каторжную тюрьму, находившуюся рядом с Иркутском, где он и провел оставшуюся часть заключения (срок пребывания в тюрьме включал и предварительный арест).

С конца 1912 года Войтинский находился в ссылке вначале в селе Илкино, а затем в Иркутске. Этот город был в то время центром общественно- политической и культурной жизни Восточной Сибири. Здесь Владимир участвовал в попытках создания социал-демократической печати. В 1914-1915 гг. ему вместе с единомышленникам и удалось выпустить всего лишь два номера

журнала, носившие разные названия: первый - ”Сибирский журнал”, второй - ”Сибирское обозрение”. Он активно занимался журналистикой. В 1913-1916 гг. одна за другой в местных издательствах вышли его книги ”Призраки” (о жизни заключенных), ”Безработица и локауты”, ”Вне жизни: Очерки тюрьмы и каторги” (частично в этой книге были использованы материалы работы ”Призраки”), ” Евреи в Иркутске”, ”В тайге”. Статьи Войтинского публиковались не только в иркутских журналах ”Сибирское слово” и ”Новая Сибирь”, но также в столичных периодических изданиях и в западной социалистической печати.